

Чарльз МЕЙДЖОР

В РАСЦВЕТЕ РЫЦАРСТВА

Серия исторических романов

Роберт Стивенс

В расцвете рыцарства (сборник)

«ВЕЧЕ»

Стивенс Р. Н.

В расцвете рыцарства (сборник) / Р. Н. Стивенс — «ВЕЧЕ»,
— (Серия исторических романов)

ISBN 978-5-905820-58-8

Англия, 1514 год, правление Тюдоров. Судьба сталкивает отважного дуэлянта и гордую сестру короля Генриха VIII в нешуточном поединке. Сумеют ли два пылких сердца противостоять голосу рассудка, придворной зависти и вероломству? «В расцвете рыцарства» – дебютный роман американского писателя Чарльза Мейджора (1856–1913) имел ошеломительный успех, попал в список бестселлеров «Нью-Йорк таймс» и был неоднократно экранизирован.

ISBN 978-5-905820-58-8

© Стивенс Р. Н.
© ВЕЧЕ

Содержание

Об авторе	6
Чарльз Мейджор. В расцвете рыцарства	8
Глава I. Дуэль	8
Глава II. Как Брэндон прибыл ко двору	10
Глава III. Принцесса Мэри	13
Глава IV. Урок танца	18
Глава V. Вражда и честь	24
Глава VI. Поездка в Виндзор	28
Глава VII. Мучительная сладость любви	31
Глава VIII. Опасности квартала Биллингсгейт	38
Глава IX. Не стоит слишком рассчитывать на принцесс	42
Глава X. «Справедливости, о король!»	49
Глава XI. Сватовство	52
Конец ознакомительного фрагмента.	54

Чарльз Мейджор

В расцвете рыцарства (сборник)

Печатается по изданию – СПб.: изд. А. А. Каспари, 1911

Знак информационной продукции 12+

© ООО «Издательство «Вече», 2012

Об авторе

Американский юрист и адвокат Чарльз Мейджор родился 25 июля 1856 года в городе Индианаполисе (штат Индиана), в семье, принадлежавшей к верхушке среднего класса. С детских лет будущий писатель интересовался историей, конкретнее: историей Англии. Под влиянием родителей в юноше пробудился интерес к юриспруденции, которую он решил избрать своей профессией. В 1872 году Чарльз поступил на факультет права Мичиганского университета, окончил его в 1875-м, а спустя два года был принят в Ассоциацию юристов Индианы. Вскоре после этого Мейджор открыл собственную юридическую практику, а потом решил заняться политикой. Кульминацией его политической карьеры стало годичное пребывание в Законодательном собрании штата Индиана. Постепенно правоведа начинает привлекать литературная деятельность. Мейджор выбирает жанр исторического романа. В 1898 году появляется его первая книга – «В расцвете рыцарства». Роман был снабжен пространным подзаголовком: «Любовная история Чарльза Брендона и Мери Тюдор, королевской сестры в дни царствования его августейшего величества короля Генриха VIII; написано и переведено на современный английский язык по дневникам сэра Эдвина Каскодена». Роман Мейджора сразу получил в США огромную популярность: в течение трех лет он занимал видные позиции в списке бестселлеров, составляемых сотрудниками ведущей газеты страны «Нью-Йорк таймс». В 1901 году драматург Пол Кестер написал инсценировку романа, которая с успехом шла на сцене бродвейского театра «Критерион». Позднее роман был дважды экranизирован: в 1908 и 1922 годах. Он неоднократно переиздавался. Неожиданный успех первого романа побудил Мейджора прекратить свою адвокатскую практику (1899 г.) и отдавать все свое время литературному творчеству. Впрочем, следующий роман, «Медведи с Голубой реки» (1901), расходился куда скромнее. Он стал более востребован гораздо позднее и дождался экранизации только в 2006 году. Зато третье произведение Мейджора, «Дороти Вернон из Хэддон-Холла» (1902), действие которого перенесено в елизаветинские времена, популярностью поспорило с дебютным романом. Пол Кестер еще раз адаптировал роман Мейджора для сцены, а в 1924 году по роману был снят фильм; в нем впервые на киноэкране появилась знаменитая Мери Пикфорд. В дальнейшем Мейджор продолжает писать исторические романы, имевшие переменный успех, чередуя их с юношескими приключенческими повестями. Действие последних чаще всего происходит в его родном штате Индиана. Так, действие романа «Лесная душа» (1903) перенесено в Индиану тридцатых годов XIX века. Авантуристы, герои романа «Вексель дяди Тома Энди» (1908), ищут индейские сокровища. Вместе с тем в 1905 году появляется острожюжный исторический роман «Иоланда Бургундская», в 1909 году – «Кроткий рыцарь из Старого Бранденбурга», рассказывающий о судьбе принцессы Вильгельмины Прусской, супруги Фридриха, маркграфа Бранденбургско-Баварского, в 1910 году – роман «Маленький король», история детских лет французского короля Людовика XIV. Последним изданным при жизни сочинением Мейджора стал роман «Прикосновение Фортуны, или Записки барона Клайда, познавшего величие и падение во времена скорбного правления так называемого “Веселого монарха” Карла II» (1912). Роман был написан уже приговоренным к смерти автором. Чарльз Мейджор скончался от рака печени 13 февраля 1913 года в собственном доме, в городке Шелбивилль (штат Индиана), не дожив нескольких месяцев до 57 лет.

Через несколько лет, в 1925 году, был посмертно издан еще один роман писателя – «Розали».

Анатолий Москвин

Избранная библиография Ч. Мейджа:

- «В расцвете рыцарства» (When Knighthood Was in Flower, 1898)
- «Медведи с Голубой реки» (The Bears of Blue River, 1901)
- «Дороти Вернон из Хэддон-Холла» (Dorothy Vernon of Haddon Hall, 1902)
- «Лесная душа» (A Forest Hearth, 1903)
- «Иоланда Бургундская» (Yolanda, Maid of Burgundy, 1905)
- «Вексель дяди Тома Энди» (Uncle Tom Andy Bill, 1908)
- «Кроткий рыцарь из Старого Бранденбурга» (A Gentle Knight of Old Brandenburg, 1909)
- «Маленький король» (The Little King, 1910)
- «Прикосновение Фортуны» (The Touchstone of Fortune, 1912)
- «Розали» (Rosalie, 1925)

Чарльз Мейджор. В расцвете рыцарства

Глава I. Дуэль

Это было весной 1509 года, когда Его Величество король Генрих VIII взошел на трон Англии и предложил мне занять почетный пост руководителя королевскими развлечениями при своем пышном дворе.

С этой должностью почти или, вернее, вовсе, не было связано никакого вознаграждения, но благодаря дедушке-ювелиру я был обеспечен крупным состоянием и мог не заботиться об этой стороне вопроса: я с восторгом довольствовался почетностью своей должности. Это назначение давало мне возможность находиться в близком соприкосновении со всем королевским двором, не исключая и первых женщин страны, — самого лучшего общества для мужчины, так как женщины облагораживают его дух лучшими мыслями и пробуждают его сердце к чистейшим стремлениям. Это был пост, достойный любого дворянина в стране.

Я провел четыре-пять лет на этом посту, когда пришло известие, что в Саффолке состоялась кровавая дуэль. Говорили, что в поединке уцелел только один из четырех дуэлянтов. В сущности, уцелели двое, но состояние одного из них было ужаснее смерти.

Первым из уцелевших был сын сэра Уильяма Брендона, а вторым — некий сэр Адам Джадсон. Рассказывали, что юный Брендон и его старший брат, только что вернувшись с войны на материк, встретили в одном из ипсвичских кабачков сэра Джадсона, и тот выиграл у них значительную сумму денег. Несмотря на свою молодость — старшему брату было двадцать шесть лет, младшему, Чарльзу, двадцать четыре, — братья стяжали на войне большую славу и крупное состояние. Было слишком тяжело одним ударом проиграть в кости то, что досталось с таким трудом. Однако Брендоны были достаточно умны, чтобы с достоинством примириться с неудачей. Но вдруг однажды стало известно, что Джадсон попросту плутовал в игре. Брендоны подождали, пока им не удалось проверить это, а на следующее утро состоялась дуэль, следствием которой было столько несчастий.

Про этого Джадсона знали очень немного. Он был шотландским дворянином, слыл опаснейшим забиякой своего времени и любил хвастать, что, дравшись восемьдесят семь раз на дуэли, убил семьдесят пять противников. Сцепиться с ним — значило пойти на верную смерть.

Однако это не испугало Брендонов. Я передаю здесь историю дуэли в том виде, как узнал ее впоследствии от Чарльза.

Джон, как старший брат, отстоял свое право драться первым. Братья отправились в назначенный час с отцом к месту поединка, где их уже ждал Джадсон с секундантами.

Было туманное мартовское утро. В самом начале боя стало ясно, что старший Брендон превосходит своего противника по силе и ловкости. Однако через несколько ударов клинок Джона согнулся и сломался по самую рукоятку. Джадсон со спокойной, злорадной, победоносной улыбкой нацелился прямо в сердце противника и пронзил его своей шпагой; не довольствуясь этим, в дикой кровожадности злодей еще повертел клинком в ране!

Тогда сэр Уильям сейчас же обнажил оружие и стал на место павшего сына, чтобы отомстить за него. Но и его шпага сломалась при ударе, который должен был быть смертельным, и отец пал так же, как сын!

Теперь черед пришел юному Чарльзу. Бесстрашно глядя в глаза верной смерти, двинулся Чарльз на врага. Он отлично сознавал, что Джадсон слабее в бою, чем он, как был слабее его брата и отца, но рука этого человека несла смерть, несмотря ни на что!

Неудачный поворот Джадсона дал юному Брендону возможность нанести противнику смертельный удар, но и тут опять клинок согнулся, не проникнув вглубь. Только теперь оружие не сломалось, и Чарльз понял: у Джадсона под рубашкой была кольчуга!

Теперь Брендон был уверен в своей победе, он знал, что подлый убийца связан в своих движениях, и именно на этом построил свою дальнейшую тактику. Не нападая, ограничиваясь защитой, Чарльз стал ждать, когда противник устанет; тогда-то он сам отомстит за брата и отца и убьет Джадсона, как ему заблагорассудится!

В самом деле, его противник начал дышать все тяжелее и тяжелее, наносимые им удары слабели.

– Молодой человек! – воскликнул он. – Я хотел бы пощадить тебя! С меня уже довольно убитых членов твоей семьи! Вложи меч в ножны, мы помиримся!

Брендон ответил:

– Трус! Ты мертв с той минуты, как твои силы ослабели! Если ты попытаешься бежать, я уложу тебя на месте, как собаку! Я не стану ломать оружие о твою кольчугу, а подожду, пока ты не упадешь от истощения! Ну, нападай, собака!

Джадсон был бледен от усталости, и его хриплое дыхание прерывисто вырывалось из груди, когда он пытался увиличнуть от ударов, немилосердно сыпавшихся на него. Наконец Брендону удалось ловко выбить у Джадсона оружие из рук. Джадсон сначала сделал попытку спастись бегством, затем снова повернулся к противнику и упал на колени, умоляя пощадить его жизнь.

Вместо ответа стальной клинок Брендана молнией прорезал воздух и рассек острием лицо Джадсона: глаза и нос. Этим шотландец был ослеплен и обезображен на всю жизнь; смерть в сравнении с такой местью была бы милосердием!

Эта дуэль наделала много шума во всем королевстве, потому что слава Джадсона как дуэлянта была хорошо известна. Поэтому при дворе много говорили об этом происшествии, и таким образом Чарльз Брендон стал сразу предметом оживленных толков. Интерес к нему возрос еще более, когда лучшие рыцари, вернувшиеся с войны, стали превозносить его отвагу и искусство.

У Чарльза был при дворе дядя, сэр Томас Брендон, шталмейстер короля. Сэр Томас счел момент удобным, чтобы представить племянника ко двору. Генрих дал свое согласие, и Чарльз Брендон, ведомый десницей судьбы, прибыл в Лондон.

Глава II. Как Брендон прибыл ко двору

Мы все были уверены, что юный Брендон скоро добьется благоволения короля. Какие отличия и почести могли ожидать героя, нельзя было представить себе заранее, так как, широко пользуясь неограниченностью своей власти, король раздавал чины и должности, как ему заблагорассудится. Бывало, король, прия в восхищение от мускулатуры простого солдата, оказывал ему честь, избирая его своим товарищем по турнирному бою. Остроумие и находчивость Генрих VIII тоже чрезвычайно ценил, и счастливчик, одаренный этими качествами, получал выдающуюся придворную должность, удерживавшую его в непосредственной близости к королю. Я тоже был одарен природным остроумием и потому могу льстить себя надеждой, что в кругу королевских субъильников был не последним.

Король благоволил ко мне по разным причинам. Во-первых, я не брал ни полушки из его кассы; во-вторых, отличался хорошими манерами, которые – смею утверждать это, не боясь показаться хвастуном, – были гораздо тоньше и приятнее, чем у большинства английского общества того времени.

Столица Франции была центром образованности и воспитанности, и я поставил себе за правило ежегодно проводить там несколько недель. Этому-то я и обязан своей придворной должности. Правда, король был очень привязан к моему брату, баронету, но последний никогда не мог простить мне, что отец обеспечил мне изрядный доход, а не завещал всего состояния целиком перворожденному. Я был мал ростом и не мог меряться с рослыми мужами в воинских игрищах. Зато – говорю об этом совершенно открыто, да и кто не стал бы хвалиться этим? – на мою долю доставалась не одна сладкая улыбка, не один пламенный взгляд красавицы, по которой тщетно страдал иной прославленный турнирный боец.

О прибытии Брендана в Лондон мне стало известно не сразу. В то время мы все находились в Гринвиче, тогда как король ссорился в Вестминстере с парламентом, заседавшим по вопросу об ассигнованиях на новые субсидии.

Принцесса Мэри, любимая сестра короля, гостила в Виндзоре у своей сестры Маргариты Шотландской. В то время ей было восемнадцать лет, и она как раз собиралась развернуться из очаровательнейшего бутона в дивный цветок.

В дни, когда Брендон был представлен королю, произошел турнир, устроенный Генрихом в ознаменование одного из парламентских постановлений, благоприятных для его королевских финансов. Король подготовил для этого турнира специальный сюрприз.

На турнир была приглашена королева со своими дамами, да и принцесса Мэри должна была прибыть из Виндзора, чтобы затем отправиться с королем и всем двором в Гринвич.

Не могу не привести здесь описание этого турнира, запечатленного всеми летописцами того времени.

В назначенный день королева со своими дамами отправилась на турнирный плац. Посыпались звуки фанфар и появилось большое количество рыцарей и дворян, одетых в драгоценные парчовые и пурпурные одеяния, усеянные драгоценными камнями, и ведущих на поводу богато оседланных коней. За ними следовали оруженосцы в кирпично-красном и желтом шелке в ярко-красных чулках и желтых шапочках. Затем появился король под балдахином из золота и расшитого пурпуром бархата. За ним следовали три боевых сотоварища короля, каждый тоже под балдахином. За балдахинами ехали двенадцать пажей в разноцветных костюмах; чепраки их коней были богато расшиты шелками в цвет одеяния пажей.

Когда все они собрались на турнирном плацу, на арену выехал неизвестный рыцарь в развевающемся одеянии из пурпурного атласа. С глубоким поклоном рыцарь передал королеве прощание, в котором молил о милостивом разрешении принять участие в турнире в ее честь. Его просьба была милостиво удовлетворена. Тогда рыцарь скинул свой плащ и оказался в пол-

ном боевом снаряжении. Раздались призывы герольдов, и вскоре земля задрожала под копытами лошадей. Было бы трудно перечислить все военные игрища, совершенные в этот день. Король был в великолепном расположении духа. Как он, так и неизвестный рыцарь стяжали первые призы этого дня.

Так повествует об этом турнире летописец.

Когда королева дала неизвестному разрешение биться в ее честь и он дал шпоры своему коню, на дамских местах раздались громкие аплодисменты, так как даже блестящее появление на арене самого короля не могло затмить прекрасный вид и благородную осанку неизвестного. Волосы рыцаря ниспадали темными волнистыми прядями на плечи, как в то время было в моде во Франции. Его глаза были темно-синие, а лицо, хоть и обветренное и загорелое, могло вызвать зависть любой девушки своей нежностью. Он не носил бороды, и его благородный профиль с изящно очерченным носом свидетельствовал о кротости, доброте, храбрости и силе.

Я стоял около королевы, и она сказала мне:

– Кто этот прекрасный незнакомец, так изящно просивший наше разрешение на бой?

– Не могу сообщить Вашему Величеству никаких сведений. Я тоже вижу его в первый раз, и мне кажется, что это прекраснейший рыцарь, какого я когда-либо встречал!

– Это бесспорно так! – ответила королева. – Нам очень хотелось бы познакомиться с ним. Что скажут на это мои дамы?

Ответом королеве был общий ропот одобрения. Обещав сообщить после турнира все, что мне удастся узнать относительно неизвестного рыцаря, я удалился.

Принцессу Мэри тоже заинтересовал этот рыцарь, и она обратилась ко мне за сведениями. Когда же я не смог дать ей таковые, она спросила короля:

– Братьец, скажи, кто твой новый боевой товарищ?

– Это – секрет, красавица-сестренка! – пошутил Генрих. – Но ты без сомнения скоро все разузнаешь и уж наверное влюбишься в него! Императоры и короли тщетно добивались твоего благоволения, а если я был их ходатаем, то недоступная крошка отказывала во что бы то ни стало! Неизвестный рыцарь, способный возбудить королевское любопытство, необыкновенно вырастет в твоих глазах. Но берегись!

– А разве неизвестный кажется тебе неподходящим? – спросила Мэри с лукавой улыбкой и сверкающими глазенками.

– Разумеется, нет! – ответил король.

– Ну, тогда я сейчас же влюблюсь в него! Мне даже кажется, что я уже начинаю любить его!

– О, в этом я не сомневался ни минуты! Если бы я предназначил его для тебя, то, будь он самим Аполлоном, ты все-таки не захотела бы его!

– Не соблаговолите ли вы сказать мне по крайней мере, какого он звания? – продолжала Мэри поддразнивающим тоном.

– Да никакого! Это простой солдат без титула, даже не рыцарь, по крайней мере не английский. Кажется, он принадлежит к какому-то испанскому или немецкому рыцарскому ордену!

– Не герцог, не граф, даже не барон и не рыцарь? – улыбаясь, промолвила принцесса. – Теперь он и в самом деле начинает интересовать меня!

– Похоже на то. Но оставь меня в покое!

– Примет он сегодня вечером участие в танцах?

– Ну конечно, нет! – ответил король.

Празднество кончилось банкетом и танцами.

На следующее утро все мы, кроме принцессы Мэри, отправились в Гринвич. Через день после этого я вернулся в Лондон и навестил канцлера Уолси, чтобы взять у него для чтения одну книгу. Там мистер Кавендиш, секретарь канцлера, представил мне прекрасного незна-

комца, который оказался Чарльзом Брендоном, героем кровавой дуэли в Саффолке. По нежному виду юноши трудно было бы предположить в нем такого героя, если бы пламенный взгляд не выдавал, что в его душе отвага и храбрость царили наряду с кротостью.

Мы оба сразу почувствовали какое-то родство душ, верное предвестие истинной дружбы. Общность вкусов, среди которых была любовь к чтению, образовала между нами особенно сильную духовную связь, быстро сделав нас друзьями. И Брендон тоже пришел к Кавендишу затем, чтобы выбрать в его богатой библиотеке несколько книг и взять их на время с собой в Гринвич.

Прибыв туда, мы разыскали дядю Брендона, шталмейстера. Тот пригласил племянника поселиться у него, однако Чарльз предпочел стать моим гостем.

На следующий день Брендон был назначен капитаном королевской гвардии и ему надлежало быть всегда наготове, чтобы принять приказания своего царственного повелителя, а следовательно, жить в замке. Чарльз постарался устроиться так, чтобы быть моим соседом. Наши спальни выходили в третью, которую мы употребляли в качестве общей приемной.

Здесь мы проводили часы нашего досуга за приятной болтовней и перечитыванием вслух лучших мест из наших книг. Мы говорили обо всем, что волновало наши сердца, и делились всеми секретами и тайными мечтами. Так, Брендон доверил мне свою мечту добыть столько денег, чтобы можно было освободить отцовское имение от долгов. Все движимое имущество Чарльз предоставил своим младшим сестрам, так как для раздела оноказалось слишком ничтожным. Он хотел лишь выполнить эту задачу и потом направиться через море в Новую Испанию¹. Путешествия вокруг света великого Колумба были известны ему из книг, и будущее стояло в радужных красках перед его глазами. Казалось, что счастье уже улыбается Чарльзу. Но у роз имеются шипы.

¹ Америку.

Глава III. Принцесса Мэри

К этому времени принцесса Мэри превратилась в идеальную красавицу. Ее кожа была нежна как бархат – розоватый снег, пронизанный горячей кровью, подобно оттенку лепестков розы-центифолии. Ее волосы были мягки как шелк и казались почти золотыми. Она была среднего роста и обладала формами, которым могла позавидовать сама Венера. Крошечные ручки и ножки казались созданными с единственной целью очаровывать мужчин, которые все без исключения лежали у ее ног. Но самым привлекательным в принцессе были сверкающие темно-карие глаза, переливчатым блеском горевшие из-под густых черных ресниц. Мягкий, звучный голос Мэри был богат вкрадчивыми интонациями, придававшими ему чарующую силу, если только, что тоже было не редкость, этот голос не дрожал бешеным гневом. Своей вкрадчивостью Мэри могла добиться всего, чего угодно, и она отлично сознавала свою силу. Но просьбам принцессы отводила лишь самое последнее место, потому что, обладая темпераментом королевского рода Тюдоров, предпочитала приказывать во всех случаях, когда это было возможно.

Такова была эта царственная девушка, под чары которой вскоре должен был попасть мой друг Брендон.

Мэри прибыла в Гринвич лишь через несколько дней после турнира, а тем временем Брендон устроился при дворе. Его служба отнимала не так уж много времени, и мы могли уделять дружеским разговорам целые часы. В этих разговорах немалое место занимала леди Мэри. Я рассказывал Брендону, что знаю принцессу с двенадцатилетнего возраста, что она всегда относится ко мне с большой сердечностью и что однажды я истолковал ее симпатию совершенно иначе, чем было на самом деле. Я, щеславный болван, начал питать смелые надежды! Подобно всем тем, кого можно притягивал к себе этот очаровательный магнит, я окончательно потерял голову и совершил бесконечную глупость, признавшись принцессе в любви!

Принцесса, в первый момент облекшаяся в броню царственной надменности, сменила затем гнев на милость и сказала:

– Оставьте же мне хоть одного доброго друга, сэр Эдвин, прошу вас! Я ставлю вас слишком высоко, чтобы потерять вас. Не будьте одним из тех дураков, которые возгораются ко мне подобной страстью или вбивают себе в голову, будто они влюблены. Любовь женщины нельзя вымолить, мужчина должен явиться завоевателем. Так давайте же останемся добрыми друзьями, и поклянитесь мне никогда больше не говорить об этой любви!

Я поклялся и, замечу здесь, действительно сдержал свою клятву.

– Если же вы ощущаете непреодолимую потребность любить, – продолжала принцесса, – то рекомендую вам леди Джейн Болингброк. Она красива, достойна любви, относится к вам с уважением и со временем...

Но при этих словах леди Джейн выскоцила из-за занавесок, притаившись за которыми она слышала все, закрыла рукой рот своей повелительницы, чтобы заставить ее замолчать. В то же время она крикнула:

– Не верьте ничему из всего этого, сэр Эдвин, или я никогда не скажу вам ни одного доброго слова!

В ее словах чувствовалось такое пылкое признание, что я ответил:

– Конечно, принцесса ошиблась, так как я недостоин такого счастья.

Из этого ответа легко усмотреть, что я уже начал ухаживать за Джейн, не успев как следует подняться с коленопреклонения перед Мэри. Для раны, нанесенной отверженной любовью, лучшим целебным средством является новая любовь, и мне сразу стало ясно, что хорошенькая, изящная Джейн – приятнейшее противоядие от пережитой горячки!

Но добиться благосклонности Джейн было не так легко, как рисовала мне моя самонадеянность. Мне приходилось быть сначала очень сдержанным, так как Джейн слышала мое любовное признание принцессе, и нужно было сначала изгладить впечатление от него и убедить Джейн, будто моя любовь к принцессе Мэри была просто самообманом.

С той поры прошло около года. Рассказывая Брендону о происшедшем, я старался смягчить действительность, чтобы выставить себя в возможно лучшем свете. Точно так же, говоря о Джейн, я намекал на такую интимность, которой между нами еще не было.

Когда стало известно, что принцесса приезжает в Гринвич, Брендон спросил меня:

– Да что это за удивительная Мэри, из-за которой поднимается такая суета? Получено известие, что она сегодня прибудет, и весь двор словно сошел с ума. Повсюду только и слышишь: «Мэри едет! Мэри едет! Мэри! Мэри!» Говорят, что герцог Бэкингемский без памяти влюблен в нее, но ведь, насколько мне известно, он женат и годится Мэри в отцы?

Я подтвердил это.

Тогда Брендон продолжал:

– Мужчина, способный наделать такие глупости из-за женщины, позорно слаб. Что за ничтожные создания эти ваши придворные!

– Подожди, пока ты сам увидишь эту Мэри, тогда и ты станешь одним из этих «ничтожных созданий»! – шутливо заметил я. – Могу дать тебе целый час на то, чтобы влюбиться в Мэри по уши, тогда как обыкновенному смертному достаточно на это одной шестидесятой части этого времени. Ты видишь, я возлагаю громадные надежды на твою стойкость!

– Чепуха! – возразил Брендон. – Неужели ты думаешь, что я оставил свой разум в Саффолке? Разве я не знаю, что Мэри – сестра короля и что ее домогаются императоры и короли? Я мог бы с равным успехом влюбиться в мерцающую звезду. А кроме того, я держу свое сердце в узде. Ты же принял меня за глупца, за бедного, недалекого парня, вроде… ну, вроде вот этих придворных! Нет уж, не ставь меня на одну линию с ними, Каскоден, если хочешь оставаться моим другом!

Наконец к великому торжеству всего двора приехала принцесса Мэри, и я действительно старался познакомить ее с Брендоном. При моих дружественных отношениях к принцессе это было нетрудно. Конечно, Брендон не принадлежал к аристократии, он не был даже английским рыцарем, тогда как я был и тем и другим. Но тем не менее Чарльз происходил из очень древнего рода, которым Англия могла по праву гордиться, да и родственные узы связывали его с благороднейшими семьями Лондона. Помимо того, при тогдашнем дворе этикет соблюдался не особенно строго. Нередко бывало, что кто-нибудь из королевских друзей не только не имел по рождению права принимать участие в придворных развлечениях, но даже еще не был официально представлен Их Величествам, и тем не менее дело долго обходилось без этой формальности. Таким образом, и я не видел ничего невозможного в дружеском знакомстве Брендона с принцессой Мэри.

Их встреча состоялась скорее, чем я ожидал, но едва не приняла очень дурного оборота.

Это случилось на второе утро после прибытия принцессы Мэри в Гринвич. Мы с Брендоном бродили по дворцовому парку, как вдруг нам навстречу попалась Джейн. Я воспользовался случаем познакомить между собой этих моих лучших друзей.

– Добрый день, мастер² Брендон! – сказала леди Джейн и подала моему другу свою маленькую беленькую руку. – Я очень много слышала о вас от сэра Эдвина, но уже начинала бояться, что буду лишена возможности познакомиться с вами. Надеюсь, что теперь я буду иметь возможность часто видеть вас и буду в состоянии представить вас своей повелительнице! – При этом леди Джейн злорадно сверкнула глазами, словно желая сказать: «Еще один, у которого вскоре голова будет не на месте».

² Обращение к лицу, не имеющему сана и звания.

Обменявшись еще несколькими фразами, мы расстались, причем Джейн убежала, сообщив, что принцесса ждет ее в другой части парка.

Вскоре после этого мы приблизились к беседке у мраморной пристани, где королева с несколькими дамами ждала остальных придворных для поездки по реке. Заметив нас, королева послала меня за королем. Затем она спросила, не видел ли кто-нибудь принцессы Мэри, и Брендон сообщил ей, что леди Джейн только что упомянула, что принцесса находится на другом конце сада. Тогда Ее Величество попросила Брендона разыскать принцессу и передать ей, что ее ждут.

Брендон сейчас же отправился в указанную сторону и вскоре застал под тенистым дубом целый рой молодых девушек, сплетавших венки из весенних цветов. Чарльз никогда еще не видел принцессы; несмотря на это, он узнал ее с первого взгляда. Да и то сказать: ее нельзя было не заметить среди тысяч.

Однако из какого-то непонятного упрямого чувства противоречия Брендон не пожелал показать этого. Все, что он слышал о чудесной власти принцессы над мужскими сердцами, о добровольном рабстве, с которым все кидались к ее ногам, преисполнило его душу желанием подразнить ее. Поэтому, приблизившись к группе молодых девушек, он грациозно снял шляпу и спросил с изящным поклоном, при котором локоны упали ему на лицо:

– Не имею ли я чести встретить среди дам принцессу Мэри? Я должен от имени и по поручению Ее Величества передать, что Ее Величество ожидает ее высочество!

Не поднимая головы, Мэри ответила:

– Разве принцесса Мэри имеет такое ничтожное значение при дворе, что какой-нибудь капитан гвардии не может узнать ее?

С молниеносной быстротой последовал ответ:

– Не могу сказать, какое значение имеет принцесса Мэри при дворе, да и в число моих обязанностей не входит устанавливать это. Но я уверен, что принцессы здесь нет, потому что иначе у нее без сомнения нашелся бы более любезный ответ для посланного самой королевой!

Сказав это, Чарльз собрался уйти прочь, и все дамы, не исключая Джейн, подробно рассказывавшей мне потом об этом инциденте, ждали, что вот-вот разразится гроза, которая уже загоралась во взорах Мэри.

Действительно, принцесса вскочила и крикнула:

– Наглец! Принцесса Мэри – я, и если у вас имеется поручение, то передайте его и ступайте своей дорогой!

Чем страстнее становился тон принцессы, тем хладнокровнее делался Брендон. Почти повернувшись спиной к принцессе, Чарльз сказал Джейн:

– Не соблаговолите ли вы передать ее высочеству, что Ее Величество королева ожидает ее высочество у мраморной лестницы?

– Ни к чему повторять мне это, Джейн! У меня у самой имеются уши, чтобы слышать! – крикнула Мэри, а затем, обратившись к Брендону, продолжала: – Если вашей наглости покажется удобным принять поручение от такой ничтожной особы, как сестра вашего короля, то прошу вас передать королеве, что я сейчас приду.

Брендон снова обратился к Джейн, сказав с поклоном:

– Я просил бы еще вашу честь передать ее высочеству, что искренне сожалею, если был невежлив. Как мог я узнать принцессу Мэри, раз мне не выпало счастья быть озаренным сиянием ее высокомилостивого присутствия? Но подумав немного, ее высочество наверное признает, что из нас двоих не я был невежлив и нелюбезен!

Поклонившись еще раз, Чарльз быстро ушел.

– Наглец! – крикнули некоторые дамы.

– Он заслуживает позорной казни! – произнесли другие.

— Ничего подобного! — возразила умная и храбрая леди Джейн. — По-моему, не права леди Мэри! Не мог же он ни с того ни с сего узнать ее!

— Джейн права! — согласилась принцесса, раздражение которой улеглось так же быстро, как и вспыхнуло. — Я сама заслужила это, потому что действовала, не подумав. Он поступил, как мужчина, и защищался, будучи им. В первый раз я встретила вполне настоящего мужчину. Ты, Джейн, как будто знаешь его. Кто он? Расскажи нам! Королева может подождать.

Тогда Джейн рассказала о страшном поединке Брендона с Джадсоном, о его храбости и приключениях на войне, о великодушном даре сестрам.

— Кроме того, — прибавила она, — сэр Эдвин уверяет, что Брендон — самый начитанный человек при дворе и самый храбрый и честный рыцарь во всем христианском мире!

Вслед за этим дамы направились к мраморной лестнице, и случай привел Брендона встретиться с ними. Чарльз хотел быстро юркнуть в сторону, но принцесса Мэри приказала Джейн позвать его. Несмотря на некоторое сопротивление юноши, Джейн все-таки привела его к принцессе и сказала:

— Вот, леди Мэри, представляю вам мастера Брендона. Если он хоть чем-нибудь обидел вас, то он смиреннейше просит о прощении!

В сущности, такая просьба не входила в планы Брендона, но он не стал противоречить Джейн, и награда не заставила себя ждать.

— Не мастер Брендон должен просить о прощении, — ответила принцесса, — я одна была не права и краснею при воспоминании о том, что наговорила. Простите мне, сэр, и давайте познакомимся снова! — и она, подойдя к Брендону, протянула ему руку.

Он рыцарски поцеловал ее, опустившись на одно колено, а затем сказал:

— Вам, ваше высочество, можно спокойно оскорблять людей, раз у вас такая прелестная манера мириться! Мне приходилось слышать, что сознание своей неправоты равно любезности!

Сказав это, Чарльз так пытливо посмотрел в глаза Мэри, что она невольно опустила их.

— Ах, — покраснев и мило улыбаясь, воскликнула она, — благодарю вас; вот это — истинный комплимент, не то что все эти льстивые речи. Мы собираемся идти к королеве, не проводите ли вы нас, сэр?

Они пошли рука об руку, сопровождаемые роем смеявшимся и перешептывавшихся девушки.

— Наверное, и вы ненавидите льстивые комплименты? — сказала Мэри.

— Не могу сказать, чтобы когда-нибудь их выпадало много на мою долю! — ответил Брендон с совершенно серьезным лицом, хотя и с трудом сдерживая улыбку.

— О, неужели нет? Ну, так понравилось ли бы вам, если бы вам каждодневно твердили, что Аполлон — горбатый урод в сравнении с вами, а Эндимион прикрыл бы свое лицо, увидев ваше, и так далее?

— Право, не знаю, но мне кажется, что это понравилось бы мне... в устах некоторых особ! — ответил Чарльз с невиннейшей физиономией.

Это звучало чересчур интимно после такого короткого знакомства и заставило принцессу с изумлением взглянуть на своего спутника, но невинное выражение его лица обезоружило ее.

— Ну, я не хотела бы довести дело до этого! — ответила Мэри, смеясь и искоса поглядывая на Брендона. — Но я сделаю вам более лестный комплимент, искренне поблагодарив за урок, который вы мне дали. О, вы не можете себе представить, как трудно быть принцессой, оставаясь в то же время добrou!

Лоб леди Мэри покрылся угрюмыми складками, и тихий вздох вырвался из ее груди.

— Это, конечно, очень трудно, если решительно все восхваляют нас даже за наши недостатки! — согласился Брендон и смело продолжал: — Сознаваться в своих недостатках всегда неприятно, но стоит нам только мужественно пойти на это, и мы вскоре справимся с самыми

дурными сторонами своего характера. Искренне стремиться к добру – почти то же самое, что частично творить добро!

– О! – возразила принцесса. – Но что в действительности хорошо и что дурно? Часто мы не в состоянии сразу разобраться в этом, а когда озираемся на содеянное, то иной раз уже бывает слишком поздно!

– Чтобы легко разобраться в этом, существует очень простое правило, – ответил Брендон. – Помните одно: все, что делает других несчастливыми – плохо, а что делает их счастливее – хорошо. Как безошибочно пользоваться этим правилом, я не знаю. Нужно только пытаться следовать ему, и если даже иной раз вы и промахнетесь, то само стремление творить добро будет добродетелью.

Мэри опустила голову и в глубокой задумчивости пошла дальше.

– Мне уже не раз говорили это, – сказала она затем, – только ничего не помогает. Зло слишком глубоко засело во мне.

– Прошу извинить меня, ваше высочество, но в вас самих нет никакого зла, оно лишь заронено в вашу душу другими! Ваше сердце чисто и прекрасно, или я неправильно сужу о вас!

– Мне кажется, мастер Брендон, что вы – самый тонкий листец на свете! – сказала Мэри, покачав головой. – Меня засыпали похвалами всех родов, но никто еще не доходил до того, чтобы назвать меня доброй. Может быть, люди думают, что это для меня неважно, а ведь на самом деле быть доброй – мое высшее желание. Красива я или нет, это – дело Божих рук, но быть доброй – личная заслуга. Хотела бы я знать, действительно ли во мне заложено истинное добро и правильно ли вы оценили меня? – Вдруг принцесса с каким-то испугом взглянула на Брендона и резко спросила: – Или вы только посмеялись надо мной?

– Я твердо уверен, что не ошибся в своей оценке вашего характера! – ответил Чарльз. – У вас дивные наклонности к добру. В конце концов все будет зависеть от человека, за которого вы выйдете замуж: он может сделать из вас или ангела, или прямую противоположность его!

Снова лицо Мэри выразило изумление, когда она ответила:

– Кажется, вы правы, особенно в отношении «противоположности». А самое главное – то, что я никогда не смогу сама выбрать себе мужа, так как рано или поздно мне придется подчиниться тому, кто заплатит брату за меня наивысшую цену.

– Да сохранит вас от этого Господь! – почтительно сказал Брендон.

Так как разговор стал слишком серьезным, то принцесса Мэри поспешила изменить его направление на более веселое и сказала со вздохом:

– Надеюсь, что вы не ошиблись, приписывая мне склонность к добру, только подождите, пока вы не узнаете меня поближе.

– Я твердо уверен, что мне не придется ждать слишком долго!

– О, нет!.. Но вот и королева!

Глава IV. Урок танца

Я от души смеялся, когда Джейн рассказала мне о словесном турнире между Брендоном и принцессой Мэри. Меня это столкновение нисколько не удивило, так как я достаточно знал своего хладнокровного друга и был уверен, что заносчивость Мэри встретит у него надлежащий отпор; но это была злосчастная победа, и то, чего не могли добиться красота и веселость принцессы Мэри, довершило ее искреннее признание своих недостатков. И Брендон тоже был очарован ею, его судьба отныне была решена!

Джейн спала в одной комнате с принцессой Мэри. Вечером в день встречи с Брендоном принцесса приблизилась к подруге и стыдливо шепнула ей:

– Что тебе известно об этом Брендоне? Расскажи мне все! Он интересует меня, и мне кажется, что я стану лучше, если встречу больше таких людей, как он. Но он дерзок, как никто другой. Он говорит все, что ему заблагорассудится, и, несмотря на всю свою обходительность, обращается со мной, словно с ребенком!

Джейн рассказывала, пока обе девушки не заснули.

Когда Джейн сообщила мне обо всем этом, я сильно испугался: вернейшая дорога к сердцу женщины – убедить ее в том, что ее ведут к самосовершенству и пробуждают в ее сердце чистейшие склонности и движения! Было достаточно печально, если сам Брендон влюбится в принцессу, но взаимная любовь только привела бы Чарльза на плаху и навсегда разбила бы сердце Мэри!

Через несколько дней после этого я встретил принцессу в покоях королевы. Мэри поманила меня к себе и сказала:

– Недавно я встретилась с вашим другом, капитаном Брендоном. Рассказывал он вам об этом?

– Нет, – ответил я. – Джейн сообщила мне о вашей встрече, но Брендон не сказал ни слова.

И в самом деле, Чарльз ни словом не обмолвился об этой встрече, я же хотел подождать, долго ли станет он отмалчиваться. При всем дворе не нашлось бы больше ни одного человека, способного упустить случай похвастать победой в споре над принцессой Мэри!

– Вот как? – с некоторым раздражением сказала Мэри. – Может быть, он считает, что это такой пустяк, о котором и говорить не стоит? У меня произошел с ним небольшой словесный турнир, в котором, говоря по правде, я не только потерпела поражение, но еще должна была сознаться в этом! Что вы думаете о своем новом друге? Он в самом деле не хвастал, что одержал надо мной верх? Мне кажется, что это молчание говорит в его пользу! – и принцесса Мэри, отнюдь не рассерженная своим поражением, откинула голову, звонко рассмеялась и захлопала в ладоши.

– Что я думаю о своем новом друге? – повторил я ее вопрос.

Этим для меня открылась тема, на которую я мог говорить долго и подробно. Сначала я хотел быть кратким, но, к своему собственному удивлению, встретил в принцессе такую внимательную слушательницу, что моя речь оказалась очень пространной.

– Ваш друг имеет в вас пламенного ходатая, сэр Эдвин! – сказала принцесса.

– Это правда, – согласился я, – но ведь, что ни говори о нем, ничто не будет преувеличено! – Я знал, что принцесса имеет громадное влияние на короля, и решил обеспечить судьбу Брендона вовремя сказанным словом. – Я уверен, что король осчастливит его своей милостью, и надеюсь, что вы найдете случай замолвить за Брендона словечко Его Величеству!

– Да что же я могла бы сделать для него? – воскликнула Мэри, которая была очень тонким политиком. – Король раздал все, что мог, а теперь, когда война кончилась, являются сотни людей, желающих получить еще что-нибудь. Громадные сокровища моего отца растрячены,

дарить больше нечего. Разве вот только следующее: за смертью последнего герцога Саффолкского освободились этот сан и связанные с ним поместья. Может быть, король и наградит тем и другим вашего героя, если только вы сумеете выставить своего друга в таких же привлекательных чертах, как мне! Но спросите об этом короля сами! – смеясь, закончила она свою шутку.

– По сравнению с заслугами Брендона всякая награда окажется слишком малой! – ответил я, подхватывая шутку.

– Значит, решено! – сказала Мэри. – Отныне нет более капитана Брендона, а существует Чарльз Брендон, герцог Саффолкский! Как это нравится вам, сэр Каскоден?

– По-моему, это звучит очень хорошо.

– В самом деле, даже королевская корона была бы в ваших глазах слишком незначительной для вашего друга, ненасытный вы этакий! Такую интересную личность мы непременно должны удержать при дворе, и я позабочусь, чтобы его сейчас же представили королеве. Танцует ли он? Едва ли! Военные упражнения вряд ли оставили ему свободное время для этого! Затем мне интересно было бы знать, играет ли он в карты, то есть я хочу сказать, – как играем мы, дамы. Вы говорили, что Брендон долго жил во Франции, где была изобретена карточная игра, но ни минуты не сомневаюсь, что он, одним мановением руки ниспровержающий целые армии, с величайшим презрением взирает на такое глупое занятие.

– Право, не знаю, танцует ли он и играет ли в карты, – ответил я, – но готов держать любое пари, что Чарльз – мастер в том и другом!

– Ставлю десять крон! – поспешило сказала принцесса Мэри, очень любившая биться об заклад.

– По рукам! – ответил я.

– Мы испытаем его завтра вечером у меня, – продолжала принцесса. – Приведите его ко мне, но молчите об этом. Джейн будет там со своей лютней, что, насколько мне известно, не отпугнет вас. Мы так и будем вчетвером: вы с Джейн и новый герцог Саффолкский со мной. О, это будет так забавно, что я просто не дождусь этого!

Необыденность затеи придавала ей в глазах Мэри особую прелест, а пари еще усугубляло интерес. Правда, принцесса время от времени принимала у себя молодежь, – но не в таком, как теперь, интимном составе из двух пар, потому что король с королевой обращали большое внимание на соблюдение внешних форм, может быть, для того, чтобы прикрывать ими серьезные грехи.

На следующий вечер я повел Брендона обходным, редко посещаемым путем к принцессе, где мы как можнотише постучались в дверь. Нам открыла леди Джейн, принцесса тоже стояла у порога. Я уже посвятил Брендона в шуточный разговор о титуле герцога Саффолкского, а теперь входя сказал:

– Милостивые государи, его светлость герцог Саффолкский!

Девушки скрестили руки на груди и присели в глубоком церемонном реверансе, приветствуя Чарльза:

– Добрый вечер, ваша светлость!

Ответный поклон Брендона был так же глубок и церемонен. Когда же, подражая покойному герцогу, Чарльз надулся и сделал несколько шагов по комнате старчески заплетающейся походкой, принцесса и Джейн покатились со смеху, так что сразу создалось надлежащее настроение.

– Садитесь! – скомандовала принцесса. – Будем сегодня без всяких церемоний! Никто не знает, что мы собирались здесь сегодня. Или вы проболтались, сэр Эдвин?

– Как вы могли подумать! – воскликнул я.

Мэри пытливо посмотрела на Брендона и продолжала:

— За вас я совершенно спокойна, вы не выдадите ничего! Я ведь знаю, как молчаливы вы были в другом деле. Наверное, вы не ожидали этого приглашения после того, как недавно я была так неприветлива к вам. Вас очень поразило это приглашение?

— Осмелюсь заметить, что после нашей первой встречи меня уже ничто не может поразить из того, что благоугодно будет сделать вашему высочеству! — улыбаясь, ответил Чарльз.

— Вот как? — сказала Мэри, удивленно вскинув бровями. — Посмотрим! Но, пока еще вечер не кончился, мы рассчитываем услыхать от вас проповедь, мистер Брендон. Джейн нуждается в этом не менее меня!

— Этому я не верю, — возразил Брендон, посмотрев на Джейн таким ласковым взглядом, который показался мне, ревниву, крайне подозрительным.

Снова Мэри подняла брови и сказала:

— В самом деле? Вы не верите этому? Ну, мне вы не очень-то льстите, мастер Брендон.

Мой друг лишь церемонно поклонился. Наступило молчание. Наконец Мэри спросила:

— Что мы предпримем? Не предложит ли кто-нибудь из вас чего-либо?

Джейн сидела с такой невинной физиономией, что можно было подумать, будто она не способна ни на какую злую проделку. Но люди с невинным видом — как раз самые опасные. Вот и она словно случайно, сказала:

— Не желаете ли потанцевать? Я поиграла бы вам, — и взялась за лютню.

— О, это было бы чудесно! Мастер Брендон, не хотите ли потанцевать со мной? — спросила принцесса,shalovlivо засмеявшись.

Мы с Джейн тоже присоединились к ее веселости, а к нам примкнул наконец и Брендон, который не подозревал, что этот смех относится на его счет.

За смехом он позабыл ответить на приглашение принцессы, и Мэри, во что бы то ни стало хотевшая теперь же разрешить пари, снова переспросила его.

— О! Прошу простить меня! Конечно! — ответил Брендон, вскочив, и встал около Мэри, готовый к танцу.

Теперь принцесса поняла, что она проиграла свое пари.

Взявши за руки, Брендон и Мэри сделали несколько шагов и встали в позицию. Никогда не забуду я этого момента, как они стояли там! Мэри сияла красотой и грацией, представляя в своей юношеской свежести облик истинной Венеры, а Брендон соединял в себе Аполлона и Геркулеса вместе, так что оба они взаимно дополняли друг друга, давая граничившую с совершенством гармонию. Затем они вступили в танец, шаг вперед, шаг назад, поклоны — всё в идеальном ритме.

— Можно ли найти лучшую парочку? — тихо спросил я Джейн, сидевшую возле меня.

— Невозможно! — ответила она, продолжая играть, и, как это ни странно, ее ответ опять задел мою ревность.

Мэри и Брендон продолжали танцевать даже тогда, когда Джейн устала играть, — так увлеклась принцесса удовольствием, и вместе с тем не переставали болтать и смеяться.

— Играете ли вы в «триумф»? — спросила Мэри среди танца.

— О да! — к моей величайшей радости, ответил Брендон, и принцесса кинула мне через плечо выразительный взгляд: пари было окончательно выиграно мной.

— Мало того, — продолжал Брендон, — я знаю еще новую карточную игру, которая гораздо интереснее, чем «триумф».

— Вот чудесно! — восхлинула Мэри. — Это вполне вознаграждает меня за потерянные десять крон. Я уже давно жажду научиться новой игре, только здесь никто не знает такой. Во Франции, как говорят, карточные игры очень в моде, и вы, наверное, научились там. Ну а новые французские танцы вы знаете? Говорят, они восхитительны!

— О да, я знаю их! — ответил Брендон.

– Но вы бесподобны! Покажите мне их сейчас же. Ну-с, господин танцмейстер, что вы скажете на то, что ваш друг вытесняет вас на вашем собственном поприще?

– Меня это только радует! – ответил я.

– Если леди Джейн будет так добра и сыграет быструю мелодию в три четверти, то я научу леди Мэри новому танцу!

Джейн снова заиграла в указанном ей такте. Тогда Брендон медленно подошел к принцессе, взял ее за правую руку левой, а своей правой обнял за талию.

Но Мэри испуганно отскочила назад. Это рассердило Брендона, что он тут же дал понять замечанием:

– Мне казалось, что вы хотели познакомиться с новым танцем?

– Да, я хотела, но не знала, что его танцуют так, – ответила принцесса с полунедоверчивой, полумолящей о прощении улыбкой.

– О! – ответил Брендон и сделал вид, что хочет уйти.

– Но неужели… и в самом деле… вот так… рукой за… талию?.. – смущенно и словно недоверчиво промолвила принцесса.

– Но как же мог бы я позволить себе в ином случае подобную фамильярность? – ответил Брендон с улыбкой.

Заметив эту улыбку, принцесса сказала:

– Боюсь, что с вашей скромностью далеко не уедешь, так как, по-видимому, вы чрезвычайно дерзкий субъект!

– Вы чрезвычайно несправедливы ко мне, – ответил Брендон. – Уверяю вас, я сама скромность, и мне очень больно, что вы думаете обо мне иначе.

– Да вы, кажется, смеетесь надо мною, над моим жеманством, как вы это, конечно, называете? – перебила его принцесса. – И это еще не дерзко с вашей стороны?

Мэри предпочла бы показаться недалекой, чем прослыть жеманной!

Теперь Брендон не мог больше сдержаться и засиял громким смехом.

Принцесса сверкнула глазами, топнула ногой и крикнула:

– Сударь, это переходит все границы! Я не намерена ни секунды дольше терпеть вашу наглость!

Я думал, что она сейчас же прогонит Чарльза, но этого не случилось. Теперь должно было решиться, кто же из них двоих возьмет окончательный верх.

– Как? – спросил Брендон. – Значит, я хороши лишь для того, чтобы служить предметом издевательства? Я должен был помочь выиграть пари, в основу которого было положено убеждение в моей светской невоспитанности, а теперь, когда пари кончилось в мою пользу, я даже не смею смеяться? Ну уж, говоря по правде, я имел основание чувствовать себя обиженным, но, как видите, нисколько не обзываюсь!

– Каскаден, это вы проболтались? – крикнула Мэри.

– Ни одного звука не проронил он! – вмешался Брендон. – Но я ведь должен был быть круглым идиотом, чтобы не понять вашего замечания относительно десяти крон. Ну, так будем квиты и начнем с начала!

Принцесса с величайшей неохотой должна была признать себя побежденной и сказала:

– Хорошо, но я остаюсь при своем, что вы чрезвычайно дерзки, хотя на этот раз и прощаю вас! В конце концов, это вовсе не плохое свойство, и оно еще ни разу не повредило мужчине в глазах женщины. Боюсь даже, что женщинам оно нравится, даже если они и сердятся на дерзость!

Сказав это, Мэри решительно подошла к Брендону и с заалевшими щечками приготовилась танцевать новый танец.

Она снова несколько испугалась, когда Чарльз обнял ее. Ведь для нее это было первое прикосновение мужчины! Сначала принцесса была пуглива и смущена, но вскоре освоилась

с новым положением, показала себя понятливой ученицей и с нескрываемым удовольствием носилась по комнате.

Когда танец кончился, Мэри с разгоряченным лицом и сверкающими глазами упала на стул и восхлинула:

– Новый танец восхитителен, Джейн! Просто словно летишь по воздуху. Но что бы сказал король и особенно королева? Она упала бы в обморок от ужаса... Но это так прекрасно! – Затем принцесса прибавила в таком смущении, в каком я ее еще никогда не видывал: – То есть я хочу сказать, танец великолепен, если можно самой выбирать себе партнера.

Эти слова только ухудшили положение вещей и дали Брендону основание спросить принцессу с почтительным поклоном:

– Значит, в таком случае, не смею ли я надеяться?

– О да, смеете! Я без стеснения говорю, что танцевать с вами было восхитительно. Ну-с, довольны теперь вы, «сама скромность»? Джейн, просто нельзя даже знать, чего еще мы можем дождаться здесь!

Принцесса сказала это крайне резко, так как Брендон держал себя непринужденнее и свободнее, чем Мэри привыкла видеть со стороны окружавших ее.

– Ваше высочество изволили потребовать от нас, чтобы на этот вечер мы оставили всякие формальности и церемонии, – сказал Брендон. – Если я зашел дальше, чем вам было бы желательно, то прошу извинить мой проступок желанием доставить вам удовольствие. Впредь же вы можете быть вполне гарантированы от малейшего оскорбления.

Этими словами Чарльз достаточно ясно выразил, насколько ему безразлично, нравится ли он или нет такому капризному созданию.

Мэри промолчала. Мы поговорили еще некоторое время о том о сем, тогда как Мэри сидела с выражением надменного достоинства. Затем мы перешли к картам, и во время игры обычная веселость принцессы снова взяла верх. Однако Брендон оставился непоколебимо холодным; он был чрезвычайно вежлив и почтителен с дамами, но радостное настроение, достигнутое вначале благодаря его непринужденному веселью, теперь бесповоротно исчезло.

– Фу, как это скучно! – сказала Мэри через некоторое время. – Ваша игра несравненно менее интересна, чем новый танец. Сделайте что-нибудь, чтобы я посмеялась, мастер Брендон!

– Боюсь, что вам придется позвать кого-нибудь другого, если вы хотите смеяться, – ответил Чарльз. – Я не могу понравиться вам во всем, а потому предпочитаю то, что кажется вам более по душе!

– Это звучит почти так, как будто вы хотите понравиться мне! – насмешливо сказала принцесса, сверкнув глазами; по-видимому, у нее на устах было еще одно бестактное замечание, но она вовремя подавила желание высказать его и продолжала: – Королева вечно проповедует мне о необходимости поддерживать на высоте мое «королевское достоинство», как она выражается, и, быть может, она права. Но я откровенно скажу: королевское достоинство – отвратительнейшее наказание! Простите меня, и в будущем, когда мы опять, как сегодня, будем наедине, я прошу вас всех троих обращаться со мной как с равной. Вы еще раз дали мне хороший урок, сэр, и с этой минуты вы – мой друг, если хотите и пока вы будете достойны...

Мэри протянула Брендону руку, и он, низко склонившись, долгим, сердечным поцелуем приник к ее руке.

В те времена поцелуй руки был еще внове в Англии и практиковался почти исключительно при официальных королевских приемах. Принцесса была удивлена, но, восхитительно зарумянившись, не помешала Чарльзу удержать ее руку дольше, чем это было необходимо.

После того как мы еще некоторое время поиграли в карты, я высказал сожаление, что мы с Джейн не можем потанцевать, так как нет музыки.

– Если дамы разрешат, я поиграю, – сказал Чарльз, и, взяв лютню леди Джейн, принялся играть и напевать веселые песенки, какие нечасто услышишь в Англии.

Затем он выразил желание поучить Джейн новому танцу; это сейчас же погрузило меня в ревнивое волнение, потому что я не хотел, чтобы он так танцевал с Джейн. Но, к моему величайшему облегчению, она ответила:

– Только не сегодня. Быть может, как-нибудь потом сэр Эдвин поучит меня, ведь это – его призвание!

Это было первым знаком благоволения, полученным мной от Джейн!

Затем принцесса и Джейн спели несколько песенок, я тоже дал себя послушать. Мы пели дуэтом, квартетом и соло, и все песенки были прелестны, так как выливались из сердца юности, благословленной небесами. Затем мы принялись болтать, и Мэри вместе с Джейн заставили Брендона рассказать о своих поездках и приключениях.

Хотя Чарльзу было всего двадцать пять лет, но он был чрезвычайно богат познаниями, приобретенными при посещении университетов Барселоны, Саламанки и Парижа. Он говорил по-немецки, по-французски и по-испански, а также был знаком с литературой на этих языках.

О себе он рассказал, что еще шестнадцать лет покинул родину в качестве дядиного оруженосца, чтобы сражаться во Франции. Позднее он попал на голландскую службу, затем – в плен к испанцам, к которым и поступил на службу, так как ему было решительно все равно, где сражаться, лишь бы только иметь случай совершать подвиги да зарабатывать малую толику. Он рассказал, как попал в рабство к маврам в Гренаду, откуда спасся отчаянно смелым бегством. Свой длинный рассказ Чарльз закончил жалобой на то, что скучный мир удерживает его в замке.

Не обдумав своих слов, Мэри сказала:

– О, мастер Брендон, расскажите нам о своем поединке с Джадсоном!

Джейн сморщила лоб и посмотрела на принцессу, приложив палец к губам.

– Боюсь, что не буду в состоянии сделать это, ваше высочество, – ответил Брендон, после чего встал и, подойдя к окну и повернувшись к нам спиной, стал всматриваться в ночную тьму.

Принцесса поняла, что она наделала, и ее глаза стали влажными. Через несколько минут томительного молчания она тихо подошла к окну и сказала, положив свою руку на руку Брендона:

– Сэр, простите меня, я должна была подумать… Но, верьте, я не хотела причинить вам боль!

– Ах, миледи, это просто необдуманное слово, которое не нуждается в прощении! Но вы даете мне новое доказательство доброты своего сердца, и я благодарю вас от души. Мне нужно было только немного времени, чтобы отделаться от мыслей о том ужасном дне!

После обмена этими словами они вместе вернулись в комнату. Я стал рассказывать свои лучшие истории, чтобы развеселить Брендона. Но заинтересовать принцессу Мэри мне не удалось; она сидела в явном нетерпении, пока наконец не вскочила и, раскрасневшись, не попросила Брендона еще раз станцевать.

– С удовольствием, – ответил Чарльз, взяв ее за руку. – Новый танец?

– Да, новый танец!

Они снова принялись танцевать.

Было уже далеко за полночь, когда Мэри наполнила два кубка вином, пригубила из каждого и подала их Брендону и мне. Затем она заплатила мне проигранные десять крон и отпустила нас.

Перед тем как идти спать, Брендон сказал мне:

– Боже мой, до чего она хороша! Но ты не прав, Каскоден, я все еще в состоянии благодарить Господа за то, что не влюбился в нее. Если бы это случилось со мной, я кинулся бы на свой меч!

Я готов был сказать ему, что принцесса отличила его так, как никого еще, но счел за лучшее промолчать. Несчастье вскоре должно было прийти само собой.

Глава V. Вражда и честь

Через несколько дней после этого Брендону была дана формальная аудиенция у королевской четы. Благодаря этому он получил, так сказать, «все права гражданства» при дворе, что мне было весьма приятно, так как меньше приходилось опасаться придворных пересудов относительно нашей интимной вечеринки у принцессы Мэри.

Приглашения королевской четы относились обыкновенно ко всему придворному штату без исключений, но у леди Мэри часто бывали маленькие собрания, на которые приглашался лишь самый изысканный круг и которые носили менее церемонный характер. Разумеется, все крайне домогались приглашений на эти собрания.

Однажды днем мне принесли официальное приглашение от леди Мэри пожаловать к ней вечером на маленькое празднество. К этому приглашению была приложена отдельная записочка Брендону, собственноручно написанная принцессой. Вот это в самом деле было исключительным отличием!

Но на Чарльза это не произвело особого впечатления, потому что, когда я передал ему записку, он небрежно прочитал ее и отложил в сторону.

Брендон поблагодарил принцессу особым письмом — смелость, от которой у меня почти захватило дыхание. Да и принцессу вначале испугала эта смелость, грозившая вконец уничтожить ее «королевское достоинство». Тем не менее она не уничтожила ответное послание Брендона, забралась в свою комнату, еще раз перечитала письмо и спрятала его в письменный стол. Но вскоре Мэри снова достала бумажку, опять прочитала и, подумав, спрятала ее в карман. Там письмо побывало некоторое время, а затем вновь появилось на свет божий для нового просмотра. После этого принцесса расстегнула пуговку лифа и спрятала письмо за пазуху. Мэри была так увлечена этим, что даже не заметила Джейн, спокойно сидевшую у окна, когда же обернулась и увидела подругу, то рассердилась настолько, что вытащила письмо, бросила на пол, наступила на него ногой и закричала:

— Как ты осмеливаешься подсматривать за мной? Ты исподтишка выслеживаешь меня, я должна осматривать каждый уголок, не шпионишь ли ты!

— Я не шпионила, леди Мэри! — сказала Джейн.

— Не возражай мне! Я знаю, что ты шпионила, и желаю, чтобы отныне ты не была такой бесшумной, слышишь? Кашляй, пой или делай что-нибудь, но чтобы я слышала тебя!

Джейн подняла с пола письмо и подала его своей повелительнице. Та отбросила его одной рукой, а другой закатила Джейн здоровенную оплеуху. Джейн выбежала, а принцесса в бешенстве закрыла дверь. Но, должно быть, принцесса потом снова сунула письмо к себе на грудь; по крайней мере вечером, когда Джейн, которой Мэри не сказала больше ни слова, пришла одевать ее к танцам, записка выпала из-за корсажа. Обе девушки залились веселым смехом. Джейн поцеловала голенькое плечо Мэри, принцесса поцеловала Джейн в лоб, и они опять стали друзьями.

Что касается Брендона, то ему приглашение на вечер к принцессе стоило ссоры с влиятельнейшим аристократом Англии.

Маленькие собрания принцессы Мэри происходили зимой почти еженедельно и обыкновенно объединяли одних и тех же приглашенных, которые встречали новичков крайне недружелюбно. Кроме того, как это ни странно, даже и неприглашенные часто пускались на всякие штуки, чтобы проникнуть на вечер принцессы. Во избежание последнего у дверей ставили двух алебардистов.

С Брендоном тоже так случилось, что алебардисты, никогда не видавшие его здесь, преградили ему дорогу. Но Чарльз попросту отбросил часовых в стороны.

Поблизости стоял герцог Бэкингемский, видевший это. Он принадлежал к числу тех самонадеянных, надменных людей, которые не упускают случая совершить какую-нибудь неловкость. Поэтому он поспешил засвидетельствовать свою преданность принцессе и стал на дороге, говоря Чарльзу:

– Сэр, вам следует уйти отсюда! Вы не на турнирной арене и попали сюда, очевидно, по ошибке!

– Милорду Бэкингему угодно и сегодня по обыкновению строить из себя осла! – улыбаясь, ответил Брендон и свернулся в сторону, направляясь к Мэри.

Принцесса все видела и слышала, но вместо того, чтобы прийти герцогу на помощь, весело смеялась.

Ответ Брендона взбесил герцога Бэкингемского. Он бросился на Чарльза, обнажил меч и вне себя крикнул:

– Клянусь небом, еще один шаг – и я проколю тебя насовсего!

Я был свидетелем всего этого инцидента, но события разыгрались с такой быстротой, что я не успел опомниться. Словно молния, меч Брендона вылетел из ножен, и вслед за этим оружие герцога Бэкингемского взметнулось к потолку. Затем с непостижимой быстротой Брендон снова сунул свой меч в ножны и поймал за рукоятку меч герцога.

– Милорд изволили уронить свой меч! – сказал он с явной иронией и, ткнув острием в пол, продолжал: – Я хочу затупить кончик, чтобы вы, Боже упаси, не порезались!

Последовал единодушный взрыв смеха, в котором принял участие даже сам король.

Принцесса Мэри тоже рассмеялась и сказала герцогу Бэкингемскому:

– Милорд, что это за манера встречать так моих гостей? Кто поручил вам сторожить дверь? В следующий раз нам придется вычеркнуть ваше имя из списка приглашенных, пока вы не усвоите хороших манер! – Это было таким жестоким ударом для герцога, что он не нашел ни слова в ответ. А принцесса продолжала, обращаясь к Чарльзу: – Мастер Брендон, я очень рада видеть вас у себя и сожалею, что наш друг Бэкингем так жаждет вашей крови!

Затем она повела Чарльза к королю и королеве, после чего вместе с ним продолжала обход комнаты.

Знакомство Брендона с гостями состоялось.

Затем Мэри еще раз коснулась сцены, разыгравшейся при входе; она сказала Чарльзу:

– Я пришла бы вам на помощь, если бы не была уверена, что вы сами отдаете герцога по заслугам. Это было лучше маскарадного игрища и доставило мне большое удовольствие. Я ведь совершенно не выношу герцога!

Интимные собрания у принцессы Мэри никогда не открывались самим королем, а королева, бывшая значительно старше своего супруга³, вообще сторонилась этих развлечений. Поэтому Мэри сама открывала свои балы. Быть при этом ее кавалером считалось величайшей честью и просто смешно было смотреть, сколько людей старалось попасться ей на глаза, чтобы быть замеченными и избранными. Что касается Брендона, то он отошел в угол комнаты и погрузился в разговор с канцлером Уолси, который очень любил его, и мастером Кавендишем, большим чудаком и маленьkim человечком, отличающимся ученостью, добротой и горячей привязанностью к принцессе.

Однако было время открыть бал, и с хора, где помещался оркестр, я мог видеть принцессу Мэри, ходившую среди гостей, видимо, отыскивая партнера. Наконец она увидела Брендона.

³ Речь идет об Екатерине Арагонской, первой супруге Генриха VIII. Для упрочения союза Англии с Испанией отец, Фердинанд Католик, выдал ее за старшего сына Генриха VII, Артура, принца Уэльского, а после его смерти – за следующего брата, Генриха VIII. Этот брак, совершенно немыслимый по каноническим законам, был заключен с разрешения папы. Впоследствии Генрих VIII придрался к неканоничности брака, чтобы развестись с Екатериной, и, когда папа не признал этого развода, порвал с католицизмом. Екатерина, некрасивая, угрюмая и ханжа, была на шесть лет старше мужа, так что в описываемое время ей было около сорока лет, а Генриху – тридцать четыре.

Я с самого начала предчувствовал, что принцесса изберет Чарльза для открытия бала, и заранее сожалел об этом, так как такое отличие неминуемо должно было восстановить против него всю знать. Конечно, я оказался прав, так как Мэри сейчас же подошла к моему другу, и я услыхал, как она сказала:

— Мастер Брендон, не угодно ли вам танцевать со мной?

Но представьте себе мое изумление, когда я обратился к дирижеру, чтобы назначить танец, а дирижер ответил мне:

— Мастер, на первый танец мы уже получили распоряжение лично от ее высочества!

Теперь представьте мое двойное изумление, даже ужас, когда оркестр заиграл мелодию нового танца, выученного принцессой у Брендона. Я увидел, как вопросительно посмотрел Чарльз на Мэри и как она рассмеялась, утвердительно кивнув ему головой. В следующий момент она уже реяла, словно нимфа, в объятиях Брендона по залу. Это было прелестное зрелище, и ропот восхищения и удивления приветствовал парочку. Раздались даже аплодисменты, в которых принял участие сам король.

Но вскоре на хорах появилась герцогиня Кентская, первая статс-дама королевы, и передала приказание Ее Величества сейчас же перестать играть. Музыка смолкла.

— Мастер! — раздраженно сказала мне принцесса, когда я по ее вызову подошел к ней: — Разве наши музыканты устали, что перестали играть, прежде чем мы окончили танец?

За меня ответила королева:

— Я приказала музыке замолчать, так как не потерплю долее таких непристойных зрелищ! Мэри сверкнула глазами и, вспыхнув гневом, крикнула:

— Если Вашему Величеству не нравятся наше поведение и танцы, то вы можете удалиться к себе, когда вам заблагорассудится. В присутствии Вашего Величества охота к удовольствию пропадает сама собой!

Королева подскочила к супругу, наблюдавшему за инцидентом, и сердито сказала:

— Неужели вы, Ваше Величество, допустите, чтобы меня до такой степени оскорбляли в вашем присутствии?

— Вы сами ввязались в историю, ну и выпутывайтесь, как знаете! — ответил ей король. — Я вам достаточно часто твердил, чтобы вы остегались Мэри: у нее острые коготки!

Генрих VIII надоела угрюмая ворчливость Екатерины еще до того, как он женился на ней. Только своему испанскому золоту она была обязана вторым супругом из дома Тюдоров!

— Разве я не могу иметь на своих балах музыку и танцы по собственному усмотрению? — спросила Мэри брата.

— Можешь, сестричка, можешь, — ответил король и обратился к Брендону. — Продолжайте, мастер, мы тоже желаем научиться этому танцу!

Когда Мэри окончила новый танец, решительно все захотели научиться ему, и даже сам король попросил Брендона показать ему па. Король очень быстро усвоил их и выводил эти па с неуклюжей грацией ученого медведя.

Дамы вначале несколько стеснялись нового танца и старались держаться от кавалера возможно дальше, но тем не менее Мэри ввела новую моду, и все остальные последовали ее примеру. Я тоже успел заранее поупражняться в этом танце, так что теперь мне представился случай поучить даже Джейн. Поэтому я отправился к избраннице своего сердца, чтобы пригласить ее на танец. Однако она ответила:

— Благодарю вас, сэр Эдвин, здесь найдутся другие, которые больше стремятся к этому! — Когда же она продолжала отказываться при моих повторных просьбах и увидела, что я рассержен, то шепнула мне в виде извинения: — Я не могла бы танцевать этот танец с вами на глазах у всех.

Через несколько минут мы очутились одни в соседней комнате, и я предложил Джейн попробовать здесь.

Упрямица была теперь загнана в тупик, однако все же покачала головой и ответила:

– Но как же, если я не хочу?

– Миледи, теперь вам придется уже просить меня об этом! – воскликнул я, потеряв терпение, и, насупившись, проводил Джейн обратно в зал.

Весь вечер был посвящен упражнению в новом танце. Когда мы собрались уходить, Мэри сказала Брендону:

– Вы доставили королю большое удовольствие этим новым развлечением. Он спросил меня, где я выучилась танцу, и я сказала, что вы показали его Каскодену, а Каскоден – мне!

– Но ведь это неправда! – воскликнул Чарльз. – Разве не лучше было бы сказать правду Его Величеству?

Мэри слегка покраснела и ответила:

– Чем же я виновата? Если король Генрих узнает, что мы провели такой славный вечерок в моих покоях, то очень рассердится, и... и... пожалуй, вы пострадаете из-за этого. Теперь научите короля новой карточной игре, и тогда ваша карьера сделана. Недавно он выписал нескольких ломбардцев, которые показали ему новые карточные игры, но ваша, наверное, понравится ему больше всех других! – Вдруг принцесса с какой-то торопливой резкостью прибавила: – Я не танцевала нового танца ни с кем, кроме вас, а вы, по-видимому, даже не заметили этого!

Она скрылась, прежде чем Чарльз успел поблагодарить ее.

Глава VI. Поездка в Виндзор

Принцесса отлично знала своего венценосного братца, утверждая, что новое развлечение или сочинение нового роскошного покроя платья будет скорее вознаграждено им, чем выигранная битва. В позднейшую эпоху главным путем к его благоволению был тот, которым он мог отделаться от надоевшей супруги и раздобыть себе новую. Впрочем, это был в то же время очень опасный путь, как узнал на себе канцлер Уолси, звезда которого закатилась вместе с несчастной Анной Болейн.

Брендон понял намек принцессы и сумел дать понять королю, что знает новые французские игры. Вследствие этого его призвали от службы к королевскому карточному столу. Брендон был достаточно умен, чтобы постоянно давать королю выигрывать, иначе новая игра слишком скоро вышла бы из моды.

Игра, показанная Чарльзом, занимала Генриха днем и ночью в течение трех недель; он упивался ею до пресыщения, потому что вообще никогда не умел умерять свои страсти. Таким образом, мы видели Брендона очень редко, и принцесса Мэри раскаивалась, зачем она упомянула о картах. Она тоже с удовольствием позабавилась бы новой игрой, но в первую очередь шли желания короля.

Однажды Его Величеству взбрело в голову выстроить в Виндзоре новую часовенку; он взял с собой небольшую свиту, в которой кроме Мэри были Брендон, Джейн и я, и мы отправились в Лондон. Переночевав там, мы в ясное, радостное июньское утро выехали верхом в Виндзор.

Мэри и Джейн ехали бок о бок. Я был сердит на Джейн и потому умышленно не приближался к ней. Брендон же, видимо без всякого умысла, предоставил это случаю и ехал рядом с Кавендишем и со мной.

Вскоре я заметил, что принцесса Мэри все время оборачивается в нашу сторону, словно опасаясь грозы с этой части горизонта. Я надеялся, что и Джейн заподозрит дождь, но ее шея словно окаменела, и моя милая ни разу не обернулась. Мы проехали около трех миль, как вдруг принцесса осадила лошадь и повернулась в седле. Я слышал, как она что-то сказала, только не разобрал, что именно.

В следующую минуту кто-то крикнул:

– Мастер Брендон к ее высочеству!

Чарльз выехал вперед, я поехал за ним. Когда мы подъехали к девушкам, Мэри сказала:

– Кажется, у меня подпруга ослабла!

Брендон сейчас же спешился, а все остальные встали вокруг. Освидетельствовав подпругу, Чарльз негромко сказал:

– Миледи, подпруга затянута так, как только может выдержать лошадь!

– Она ослабла, говорю я! – с некоторым раздражением воскликнула принцесса, упорно настаивая на своем. – Я чувствую это по седлу! – Затем, с раздражением обернувшись к окружающим, она прикрикнула: – Ну, все непременно должны ротозейничать здесь, словно осто-лопы? Поезжайте дальше, мы справимся и без такого количества праздных свидетелей!

Следуя недвусмысленному намеку, все отправились далее, в то время как я держал под уздцы лошадь Чарльза, продолжавшего исследовать подпругу.

Тем временем Мэри склонилась через шею лошади и спросила моего друга:

– Надеюсь, вы разрешили с Кавендишем все текущие философские проблемы, которые вас так интересуют?

– Отнюдь нет! – ответил Брендон.

– Но вы были так углублены в свой разговор! Должно быть, вы говорили о важных материалах?

– Нет, – ответил Брендон, – но подпруга все же не ослабла.

– Может быть, это только показалось мне, – небрежно ответила принцесса.

Я взглянул на Джейн, в глазах которой играли плутовские огоньки, и вручил Брендону поводья его лошади. Громко рассмеявшись, Джейн сказала:

– Эдвин, мне кажется, что и моя подпруга ослабла!

– Как у леди Мэри? – с улыбкой спросил я.

– Да, – ответила Джейн, весело смеясь.

– Тогда останьтесь со мной, – возразил я.

Принцесса посмотрела на нас и полусмеясь полудосадуя сказала:

– Вы без сомнения считаете себя чрезвычайно остроумными?

– Еще бы! – зло ответила Джейн и, выразительно показывая головой на принцессу, выехавшую вперед с Брендоном, тихонько прибавила: – Авось она теперь будет довольна!

– Значит, вы хотите, чтобы я ехал с вами? – спросил я.

– Да!

– Почему?

– Потому что хочу!

– А почему вы недавно не захотели танцевать со мной?

– Потому что не хотела!

– Коротко и неясно, – сказал я, – но для девушки вполне убедительно.

После довольно продолжительного молчания Джейн начала:

– Танцевать с вами тот танец и ехать здесь с вами рядом – два совершенно разных дела!

Новому танцу я не захотела учиться потому, что не стану танцевать его ни с кем, кроме вас, а пока даже и с вами не стану!

Эти слова преисполнили меня горячей радостью; в устах моей стыдливой Джейн они были очень многозначительны. Теперь я знал, что она расположена ко мне и в один прекрасный день станет моей. Но я тут же убедился, что этого вожделенного момента мне придется добиваться очень долго.

– Джейн, вы ведь знаете, что мое сердце полно любовью к вам! – сказал я.

– Разве мир собирается разлететься вдребезги? – воскликнула Джейн с вызывающей улыбкой.

Тут я с ужасом вспомнил, что, объясняясь Мэри в любви, заявил: «Скорее мир разлетится вдребезги, чем я...» – и так далее. Джейн подслушала тогда мое объяснение, и теперь, как уже много раз, положила предел моему стремлению излить ей свою любовь.

– Я чрезвычайно озабочена! – снова заговорила она через некоторое время.

– В чем дело? – участливо спросил я.

– Да в моей повелительнице! Я никогда еще не видела, чтобы она выказалась к кому-нибудь столько интереса, как к вашему другу Брендону. Не скажу, что она уже влюблена в него, но серьезно боюсь, что этого не избежать. Она не привыкла отказывать себе в чем-либо, и ей не приходит даже в голову, что это возможно. Она уверена, что все, чего она желает, принадлежит ей по божественному праву. До сих пор ей и не надо было бороться с самой собою в чем-либо, но теперь это необходимо. Я хотела, чтобы ваш друг очутился на противоположном конце земли, да и принцесса сама чувствует, что лучше держаться от него подальше, пока не будет поздно. Но она не может отказать себе в удовольствии быть с ним вместе, и я просто не знаю, что из этого всего выйдет. Вы только посмотрите, как она счастлива! Пока мы ехали одни, она была чрезвычайно угнетена, но вот она придумала свою маленькую хитрость и... Я вообще удивлена, к чему она стала подыскивать предлог, а не попросту потребовала к себе Брендона. Ну а вы не знаете, как обстоит дело с его чувствами?

– Нет, – ответил я, – но мне кажется, что его сердце еще не затронуто. Он сам говорил мне, что никогда не дойдет до глупости влюбиться в сестру короля. Если существует на свете рассудительный мужчина, то это Чарльз!

– Да, ваш друг Брендон не похож на других! – ответила Джейн. – Он наговорил принцессе кучу умных вещей, проповедовал ей мораль и обратил ее внимание на некоторые недостатки. Хотела бы я видеть, кому другому позволила бы она это! Но от Брендона она с радостью выслушает что угодно, и даже утверждает, что он внушает ей высшие, лучшие чувства. Однако до сих пор он ничем не проявлял любви.

– Может быть, это лучше; это могло бы излечить ее!

– О, нет, нет, теперь уже нет! Сразу – может быть. Я боюсь, что если он будет молчать еще дольше, Мэри сама возьмется за дело. Она ведь – принцесса, ей придется первой заговорить, или из всего дела ничего не выйдет!

Затем Джейн рассказала мне историю с письмом Брендона и о целой куче всяких мелочей, свидетельствовавших слишком ясно, куда подул ветер.

Все, что я услышал, очень взволновало меня, так как это лишь подтверждало мои собственные предчувствия. Но эти тени не могли омрачить солнечное сияние в моем сердце, и поездка верхом в Виндзор стала счастливейшим днем моей жизни. Да и Джейн тоже отбросила от себя заботы и принялась весело болтать и смеяться.

Впереди нас ехали принцесса и Брендон. Время от времени до нас долетал звук ее голоса; она то пела, то весело смеялась. Бедная Мэри! Дни твоей беззаботной радости были уже сочтены!

Мы доехали до Виндзора в превосходнейшем настроении. По прибытии многие представители родовитейших английских семей, как, например, оба Говарда, герцог Бэкингемский, Сеймур и прочие, должны были отступить перед простым Чарльзом Брендоном, которому на долю выпала рыцарская честь принять с седла принцессу Мэри. Чарльз сделал это очень изящно и грациозно; Мэри была слишком легкой ношей для его сильных рук, и он опустил ее на землю так осторожно, словно ребенка.

Мы пробыли в Виндзоре четыре дня. В течение этого времени король возвел многих из присутствующих в сан рыцаря; это отличие выпало бы также и на долю Брендона, если бы герцог Бэкингемский не сумел ловко преподнести Генриху историю с ослабевшей подпругой и не возбудил этим подозрений короля. С того момента Генрих непрестанно следил ревнивым взором за Брендоном. Ведь сестра Мэри была для короля сильнейшим дипломатическим оружием, и если ей суждено было полюбить и выйти замуж, то лишь для его личной пользы.

Брендон и Мэри виделись очень часто во время этого краткого пребывания в Виндзоре: у принцессы вечно был наготове какой-нибудь план, чтобы устроить совместное времяпрожигание. Как ни приятно было это Брендону, он недоумевал и тревожился от перемены в обращении с ним самого короля. Я мог бы в двух словах разъяснить Чарльзу его недоумение, но мне жаль было смутить его непринужденность в обращении с принцессой. Конечно, королю было бы безразлично, если бы какой-нибудь Брендон без ума влюбился в его сестру, но что она сама начала отличать какого-то Брендона, было ему далеко не все равно, и рано или поздно, а счастливчику не миновать было расплаты за это.

Перед нашим возвращением в Гринвич король собственноручно осмотрел седельную подпругу у лошади принцессы.

Глава VII. Мучительная сладость любви

Однажды при дворе распространился слух, что престарелый король Франции Людовик XII, супруга которого Анна только что умерла, посватался за принцессу Мэри. Это и было тем, что открыло Брендону глаза и заставило его познать, с каким опасным огнем играл он до сих пор. Ему впервые стало ясно, что помимо его воли принцесса стала ему необыкновенно дорога и мила. Теперь он воочию увидел опасность и стал отчаянно бороться, чтобы сбросить обольстительные чары.

Теперь я стал с тревогой смотреть в будущее. В сердце принцессы Мэри проснулась любовь – в первый раз и со всей необузданностью. Правда, пока еще это не была совершенная страсть, но все же это была любовь – чистая и ясная, как восходящее солнце! Но так как принцесса была капризна, как апрельский день, то нельзя было заранее определить, когда этому солнцу заблагорассудится закатиться!

Мэри едва ли отдавала себе достаточно ясный отчет в силе своего чувства. Брендон интересовал ее, ей было приятно с ним, и она подыскивала всякие способы встречаться с ним как можно чаще. Только и всего! Однако, когда Брендон стал всячески избегать этих свиданий, она обиделась и замкнулась в холодной сдержанности. Но так как на Брендана эта перемена в обращении не произвела ни малейшего впечатления, она опять принялась осаждать его.

Почти уже две недели им не пришлось видеться; Мэри становилась все беспокойнее. И вот судьбе было угодно, чтобы, гуляя вместе с Джейн в лесу, она натолкнулась на Брендана.

Чарльз медленно плелся по дорожке, читая книгу, когда они настигли его. Джейн рассказывала мне потом, что обращение принцессы с Чарльзом было очень странным: сначала она осыпала его язвительными фразами; когда же Брендон сделал движение, чтобы уйти от них, Мэри стала воплощением любезности и стала придумывать тысячи способов, чтобы хоть на минутку остаться с Чарльзом наедине. То надо было отыскать редкий цветок, то найти четырехлистный трилистник, то разыскать в лесу особенно романтичное место. Джейн не сразу поняла, чего добивается ее повелительница, и следовала за ней по пятам, пока принцесса не рассердилась и не воскликнула:

– Да Бога ради, Джейн, не ходи за нами по пятам! Ты вечно торчишь под моей рукой, а тебе ведь известно, как легко эта рука вдруг загорается желанием размахнуться в твою сторону!

Обиженная этим оскорблением, Джейн повернула назад.

Как рассказывал потом Чарльз, Мэри не стала терять времени даром и немедленно обратилась к нему:

– Ну-с, сударь, теперь вы должны сказать мне правду! Почему вы постоянно отклоняете мои приглашения и так упорно стараетесь держаться подальше от меня? Сначала я хотела попросту предоставить вам идти своим путем, но нет... нет, я не хочу! Только без отговорок! Вы ведь не способны на малейшую ложь даже по отношению к женщине! Ну, это уже заправский комплимент, не правда ли? – Мэри рассмеялась нервным смешком и продолжала с поникшей головой: – Скажите, может быть, сестра короля для вас недостаточно знатна?

– Моя служба так всецело занимает мои вечера, что...

– Это неправда! – перебила его Мэри, достаточно знавшая службу в лейб-гвардии, чтобы не понимать, как мало времени может она отнять. – Лучше скажите мне без всяких обиняков, что вам не нравится наше общество.

– Бога ради, леди Мэри, только не это! – воскликнул Брендон. – Я не могу допустить, чтобы вы думали что-нибудь такое, до такой степени не соответствующее истине!

– Тогда выкладывайте эту истину!

– Не могу, не могу и прошу вас, не спрашивайте далее! Оставьте меня или позвольте мне уйти, я отказываюсь от дальнейших ответов! – мрачно крикнул Чарльз, делая величайшее усилие, чтобы сдержать пламенные слова, вырывавшиеся у него из сердца.

Мэри не почувствовала страданий его сердца и воскликнула в величайшем изумлении:

– Оставить вас? Да так ли я слышала? Я никогда не думала, что меня, дочь и сестру короля, осмелится прогнать какой-то... какой-то...

– Ваше высочество! – воскликнул Брендон, но принцесса была уже далеко.

Чарльз не сделал ни малейшей попытки последовать за ней, чтобы объяснить девушке все; он счел за лучшее, чтобы она чувствовала себя обиженней, как ни мучительна была ему эта мысль.

Сидя на камне, Брендон долго-долго смотрел вслед Мэри и желал, чтобы его поглотила земля. В первый раз он почувствовал, как любит эту девушку; именно теперь, когда она ушла, оскорбленная им, она была ему дороже, чем когда-либо. И Чарльзу стало ясно, что скоро настанет время, когда он отбросит всякую осторожность и попытается завоевать эту девушку.

Конечно, стоит королю только проведать о безумном дерзновении Брендана, как он, бедный юноша, сложит голову на плахе, а если ему и посчастливится удержать голову при себе, то сама Мэри не захочет и не сможет выйти за него замуж, как бы ни любила его. Расстояние между ними было слишком велико, и принцесса слишком хорошо сознавала, что положение обязывает. Ему оставалось лишь одно: уйти прочь отсюда, и в нем тут же созрело решение – уехать за море с первым кораблем.

То, что истинной причиной дерзкого поведения Брендана была любовь, не пришло в голову Мэри. Она была серьезно рассержена, и Джейн пришлось теперь чаще, чем обычно, чувствовать на себе тяжесть ее руки. И я тоже испытал долю ее дурного настроения, как это, разумеется, случилось бы и с Брендоном, попадись он ей на глаза. Никто не мог ужиться теперь с Мэри; даже король избегал ее, а королева почти не осмеливалась заговорить с ней. Мэри не сообщила Джейн причину своей злобы, а заявила только, что ненавидит Брендана всеми силами души. Но уже через несколько дней сердце взяло верх над злобой, и желание увидеть Брендана победило жажду оскорбить его как можно больнее.

Но Чарльз сам не мог выносить более такое положение вещей. Узнав, что через три недели из Бристоля уходит корабль в Новую Испанию, он решил отказаться от службы при дворе и уехать в Новый Свет. Я рассказал об этом Джейн, и она, конечно, передала это принцессе.

Бедная Мэри! Теперь дело дошло до вздохов! Последние остатки раздражения против Брендана исчезли перед страхом потерять его. Принцесса заперлась в своей комнате и сидела одна, пока не пришла Джейн, чтобы раздеть ее ко сну. Но она застала Мэри уже в кровати; принцесса закуталась в одеяло с головой и как будто спала. Тогда и Джейн отправилась на покой. Обыкновенно они с Мэри спали на одной кровати, но во время дурного настроения Мэри Джейн спала у себя. Некоторое время все было тихо; вдруг Джейн услыхала вздох, затем всхлипывание.

– Что с тобой, дорогая Мэри? – спросила она.

– Ничего.

– Мне прийти к тебе?

– Да.

Тогда Джейн пришла к принцессе и нежно обняла ее за шею.

– Когда он едет? – шепнула Мэри и призналась этим вопросом во всем.

– Не знаю, – ответила Джейн, – но прежде чем уехать, он захочет еще раз увидеться с тобой!

– Ты в самом деле так думаешь?

– Я знаю это!

С этим утешением и уснула всхлипывавшая Мэри.

После этого несколько дней принцесса была довольно спокойна; только Джейн заметила, что она постоянно находится в ожидании кого-то.

* * *

Наконец Мэри и Брендону пришлось встретиться, и притом следующим образом. К королевской спальне примыкала роскошно обставленная комната с собранием избранных книг. Однажды Брендон зашел сюда, выбрал себе книгу и уселся в нише, полуоткрытой занавеской. Вдоль стены шла скамейка с мягким сиденьем. Через маленькое шестиугольное окно проникал свет. Брендон недолго просидел там, как вдруг вошла Мэри. Уж не знаю, проводала ли она о присутствии здесь Чарльза, но факт тот, что они оказались здесь вместе и что она, заметив его, подошла к нему, прежде чем он успел заметить ее присутствие.

Брендон в тот же миг вскочил и, почтительно поклонившись принцессе, собрался уходить.

— Мастер Брендон, вам совершенно не к чему уходить. Я не хочу прогонять вас. Если здесь не хватает места для нас обоих, то я лучше снова уйду. Я не хочу мешать вам! — Мэри сказал все это дрожащим, взволнованным голосом и сделала движение, чтобы повернуться и уйти.

— Леди Мэри, как можете вы говорить так! Вы знаете, вы должны знать... о, молю вас!..

Тогда Мэри, взяв Чарльза за руку и, притянув его на скамейку возле себя, сказала:

— Дело в том... я не знаю... но мне хотелось бы узнать... Я хотела бы, чтобы вы сели около меня и рассказали... Тогда я, пожалуй, помирюсь с вами, хотя в последний раз вы обошли со мной так плохо! Ну, что вы скажете на это?

Слова принцессы сопровождались нервным смешком, доказывающим, что на ее сердце было далеко не так же светло и хорошо, как она хотела показать словами. Бедный Брендон! Должно быть, с ним случилось в первый раз, что он не мог выговорить ни слова в ответ на обращенную к нему речь и остался в беспомощном молчании!

Мэри скорее овладела собой — ведь женщинам этоается легче, чем нам! — и продолжала:

— Не буду говорить вам о вашем поведении в лесу, хотя было очень дурно с вашей стороны так скверно обойтись со мной. Ну, разве я не добрая?

Принцесса посмотрела на Чарльза чарующим взором пламенных глаз, которым любовь сообщила двойную прелест. Нет, наверное, она была осведомлена о пребывании Брендана в этой комнате, так как ее туалет отличался особой изысканностью. И вся она была так прелестна, так бесконечно очаровательна, что, как рассказывал мне потом Брендон, он, внимая звукам ее голоса, думал, нельзя ли ему каким-нибудь необычным образом сбежать, — ну, хоть выпрыгнуть в окно, например! Но это было невозможно, и Чарльз прибег к единственному оружию, которое ему еще оставалось: молчанию. Но и это оружие скоро было выбито из его рук.

После недолгой паузы Мэри полушутя продолжала:

— Ответьте же мне! Вы должны относиться ко мне хотя бы с той долей вежливости, которую заслуживает даже женщина самого простого звания!

— О, если бы вы были ею!..

— Да, если бы! Но раз я — не простого звания, то тут уже ничего не поделаешь. А отвечать мне вы должны!

— Да ведь на это нет ответа, нет! Ах, дорогая леди... умоляю вас... о, разве вы не видите?

— Да, да! Но все же ответьте на мой вопрос. Разве я не добра к вам больше, чем вы заслуживаете?

– О да, да, в тысячу раз больше! Вы всегда были так добры, так милостивы, так снисходительны ко мне! Я могу только благодарить вас от всего сердца! – ответил Чарльз, не решаясь взглянуть на принцессу.

Мэри сразу овладела положением. В тот же момент к ней вернулась ее обычная шутливая непринужденность.

– Как мы стали скромны! – воскликнула она. – Да куда же девалась наша хваленая смесь? Я была добра? И всегда? Неужели в первый раз, когда я увидела вас, я тоже была добра к вам? И снисходительна? Это слово вы не смеете употреблять между нами!

– Нет, – ответил Брендон, который тоже начал овладевать собой, – нет, я не могу сказать, чтобы в первый раз вы были особенно добры! Как вы тогда вспылили! И это вышло так неожиданно, что от изумления я просто не чувствовал ног под собою!

Оба засмеялись при воспоминании о первой встрече.

– Нет, не могу сказать также, чтобы при этом вы выказали чрезвычайную доброту, но зато потом, когда леди Джейн снова позвала меня к вам, вы были очень добры, так добры, как только можете быть!

– Значит, вы нетребовательны, если называете это добротой, – улыбаясь ответила Мэри. – Я могу быть еще гораздо добрее, если только постараюсь. Оно, – и Мэри положила руку на сердце, – сегодня просто переполнено добротой!

– Боюсь, что вам лучше стать снова злой, позвольте честно предупредить вас! – сурово заметил Брендон, чувствовавший, что все его силы тают.

Не обращая внимания на это предупреждение, Мэри продолжала после краткой паузы:

– Теперь мы переменились ролями. Обидчиком стали вы!

– Обидчиком? О, вы просто не хотите признать, что я руководствуюсь лучшими намерениями! Во всяком случае, для меня было бы лучше очутиться на противоположном конце земли!

– Вот относительно этого я как раз и хотела спросить вас. Джейн говорила мне, что вы собираетесь уехать в Новую Испанию?

Мэри умышленно поспешила переменить разговор, так как сама начала чувствовать, какой опасный оборот принимает он. В то время принцесса Мэри считалась бесспорной наследницей английского трона, так как брак Генриха VIII оставался бездетным⁴. Следовательно, как бы пламенны ни были ее чувства к Брендону, Мэри была достаточно разумна, чтобы понимать, что дело не должно, не может дойти у них до объяснения в любви. И все-таки она не могла побороть в себе страсть быть с Чарльзом, слышать его голос. Было так восхитительно находиться у самого края бездны сладчайшей радости и блаженства, но через этот край она не смела переступить! Кто была она и кто – он? Мэри лучше всякого другого сознавала разделявшую их пропасть.

Брендон ответил на вопрос принцессы:

– Я еще не знаю точно, уеду ли я. Я предложил свои услуги кораблю, который отплывает недели через три из Бристоля, и мне кажется, что уехать следует.

– О, в самом деле? Вы это серьезно? – Мэри почувствовала болезненный укол в сердце, но в то же время не могла не испытать некоторого облегчения при мысли, что решение Брендона избавит ее от искушения.

– Мне кажется, сомневаться в серьезности моего намерения нельзя, – ответил Брендон. – Я охотно остался бы в Англии, пока не будет погашен долг, лежащий на отцовском наследстве, чтобы последнее могло быть обеспечено моим братьям и сестрам. Но я должен ехать и надеюсь добить там, в Новом Свете, денег.

Мэри кинула на Брендона сверкающий взор и спросила:

⁴ Мария Тюдор, впоследствии получившая прозвище «Кровавой», родилась только через два года, в 1516 году.

— А как велики эти долги? Позвольте мне дать вам эти деньги, у меня их больше, чем надо. Скажите мне, сколько нужно, возьмите у меня деньги. Ну, говорите скорее!

— Вот оно! Вы опять — сама доброта! Искренне благодарю вас! — Говоря это, Брендон так посмотрел Мэри в глаза, что она не могла ни секунды вынести его взор. Опять положение начало становиться опасным, но, быстро овладев собой, Брендон продолжал в шутливом тоне: — Значит, вы хотите заплатить долги моего отца, чтобы у меня не было больше предлога оставаться здесь? Пожалуй, в сущности вы вовсе не так уж добры!

— Нет, нет, вы сами это отлично знаете! Но все-таки позвольте мне заплатить долги! Сколько? Сейчас же скажите мне, приказываю вам!

— Нет, леди Мэри, я не могу!

— Пожалуйста, скажите! Если я не смею приказывать, то должна просить, и теперь я знаю, что вы это сделаете. Ведь не заставите же вы меня вторично просить?

Мэри подсела поближе к Чарльзу и заискивающе положила на его руку свою. Следуя непреодолимому влечению, Чарльз взял ее руку, поднес к своим губам и запечатлел на ней долгий пламенный поцелуй, в смысле которого она не могла ошибиться.

Мэри испугалась, и на короткий миг принцесса снова взяла в ней верх.

— Мастер Брендон! — крикнула она и отдернула руку.

Чарльз отпустил руку и отодвинулся. Он ничего не ответил. Отвернувшись, он смотрел из окна на реку.

Так сидели они оба в молчании.

Мэри поняла, что означало то почтительное движение, с которым Чарльз отпустил руку и отодвинулся. Некоторое время она смотрела на него ласковым взором, затем подняла руку, вложила ее в руку Чарльза и тихо сказала:

— Вот она, если вы хотите ее!

— Хочу?

О, это было уже чересчур! Теперь Брендону уже было мало руки, он должен был иметь все, все! Поэтому он вдруг схватил принцессу в свои объятия с такой необузданностью, что она испугалась.

— Прошу вас, оставьте меня! Не теперь, сжалитесь, Чарльз... о, не надо... не надо... Матерь Божия, прости мне!

Но тут женская стыдливость Мэри уступила бурному натиску его страсти, она упала к нему на грудь, обвила своими белыми руками Чарльза за шею и стала целовать его. Высоко-рожденная, знатная принцесса платила слепому Амуру ту же подать, что и самые простые девушки из народа, словно вовсе не кровь пятидесяти королей сделала ее губы такими красными и сладкими!

Брендон держал некоторое время девушку в своих объятиях, а затем упал перед ней на колени и спрятал лицо в складках ее платья.

— Да поможет мне Небо! — воскликнул он.

Мэри провела рукой по его волосам, ласково откинула волосы с его лба и нежно шепнула:

— Да поможет Небо нам обоим, потому что я люблю вас!

Чарльз вскочил и бросился вон с криком:

— Пустите, пустите меня... молю вас!

Мэри последовала за ним до двери. Когда Чарльз обернулся, то увидел, что она стояла, закрыв лицо руками.

Брендон вернулся и сказал:

— О, я не хотел заводить это так далеко, и если бы вы сами не подтолкнули меня, то никогда... — но тут Чарльз вдруг вспомнил, с каким презрением относился он всегда к Адаму за то, что тот старался свалить всю вину на Еву, и продолжал: — Нет, это неправда! Тут виноват я один! Я должен был уже давно уехать.

Взор Мэри был прикован к полу, слезы неудержимо лились из ее глаз по разгоряченным поцелуями щекам.

– Никто здесь не виноват, ни вы, ни я, – пробормотала она.

– Нет, нет, тут нет вины, это – судьба. Я не таков, как другие мужчины; я никогда не смогу пережить это!

– О, я слишком хорошо знаю, что вы не похожи на остальных мужчин. Да ведь и я... тоже... не похожа на других девушек?

– О, еще бы! Нет более такой женщины во всем огромном, необъятном свете.

И они снова упали в объятия друг друга.

Так прошло несколько мгновений. Наконец, опустив глаза, Мэри задумалась, и Брендон, слишком хорошо зная выражение ее лица, сразу понял, что она чем-то недовольна.

– Вы хотите сказать что-то? – сказал он.

– Я – нет! – ответила она тихо.

– Значит, это я должен сказать что-то?

Мэри медленно кивнула головой и сказала:

– Да.

– Что же это такое? Объясните мне, и я скажу то, что нужно.

– Разве вам не понравилось слышать от меня, что я... вас... люблю?

– О, вы сами знаете! Но... но... вы хотите слышать это и от меня также?

Мэри быстро кивнула несколько раз головой, и при этом ее длинные черные ресницы приподнялись, и из-под них сверкнула пара блестевших страстью глаз.

– Этого совершенно не нужно, – произнес Брендон, – но я слишком охотно скажу вам: «Я люблю вас!»

Мэри прижалась к Чарльзу и спрятала лицо у него на груди.

– Ну, я сказал. А где награда? – спросил он.

Прекрасное лицо принцессы обернулось к нему, и посыпалась награда за наградой.

– Но это хуже, чем безумие! – крикнул наконец Брендон, почти грубо отталкивая от себя девушку. – Мы ведь никогда, никогда не можем принадлежать друг другу!

– Нет, – ответила Мэри, с отчаянием тряхнув головой, тогда как слезы снова брызнули из ее глаз, – нет, никогда!

Упав на колени, Чарльз еще раз приник к ее рукам, а затем вскочил и сломя голову кинулся к двери. Слова Мэри еще раз наглядно показали ему непроходимую пропасть, которая сверху казалась еще глубже, чем снизу. Тут оставалось одно: спасаться бегством!

Вернувшись в свою комнату, Чарльз принялся метаться взад и вперед в страшном волнении.

– Дурак, дурак! – вопил он. – К чему я взвалил себе на всю жизнь такую смертную муку? К чему я прибыл к этому двору? О, Боже, сжался надо мной, сжался надо мной! – и Брендон кинулся на свою кровать, закрыв лицо руками.

Брендон боролся с собой, стараясь внушить себе твердое решение немедленно уехать в Бристоль, чтобы там дождаться отплытия судна. Быть может, в Новой Испании ему будет суждено хоть отчасти возродиться к радостям жизни!

К сожалению, Чарльз не мог исполнить это намерение из-за турнира в Ричмонде, где ему непременно надо было присутствовать. Тем не менее он не хотел выходить из своей комнаты, чтобы не видеться с девушкой, сводившей его с ума. Ему казалось, что будет гораздо лучше и умнее уехать, не простишись с ней.

«Если я еще раз увижу ее, то пойду на убийство, даже если это будет только самоубийство!» – сказал он себе.

Я слышал, как всю ночь напролет он метался на кровати, а утром он был бледен и имел очень несчастный вид. Его решение уехать, не видевшись с Мэри, было теперь крепче, чем когда-либо. Однако Провидение и судьба решили иначе.

Глава VIII. Опасности квартала Биллингсгейт

Сначала Мэри вздыхала, не видя Брендона, потом начала плакать, а в конце концов стала раздражаться. Правда, рассудок подсказывал ей, что так будет лучше, но страстное желание видеть Брендона становилось все настоятельнее. Даже сознание разделявшей их пропасти притупилось у нее, и, как справедливо говорила Джейн, неудовлетворенное желание Мэри стало мукой для окружающих ее лиц.

Вечером третьего дня Мэри послала за Брендоном, но Чарльз ответил коротенькой запиской, что не может и не хочет прийти. Он знал, что стоит ему еще раз увидеть Мэри, и он не уедет в Новую Испанию, а останется в Англии, чтобы безнадежно любить и в результате сложить свою голову на плахе. Уже теперь ему нужно было призывать всю свою силу воли, чтобы не отказаться от плана отправиться за море. Брендон был на границе предела самообладания и, умев разбираться в самом себе, отдавал себе отчет в том, что не следует делать.

Зато принцесса Мэри, никогда не занимавшаяся мудрым самопознанием, не могла оценить мотивы Брендона и пришла в необузданную ярость от его ответа. Злоба и уязвленное самолюбие заслонили в этот момент всю ее любовь: она непрестанно твердила себе: «Я ненавижу этого негодяя! О, стоит только мне вспомнить, как далеко я зашла!» – и при этом слезы раскаяния и стыда градом катились у нее.

До тех пор пока Мэри была уверена, что подарила свою любовь человеку, который платил ей той же страстью, она была рада и горда содеянным, но теперь стала сомневаться и сочла себя обманутой. Ей казалось совершенно ясным, что никакая сила не могла бы удержать Брендона вдали от нее, если бы он питал к ней те же чувства, что и сама она. Поэтому она в конце концов пришла к убеждению, что Чарльз просто пренебрег ею. Воспоминание, что ей пришлось просить его признаться ей в любви, и мысль, что все авансы были сделаны ею самой, усиливали ее подозрения, и она без сомнения считала, что ни с одной женщиной во всем мире никогда не поступали так скверно, как с ней.

А ко всему этому переговоры о браке Мэри с престарелым королем Людовиком XII получили огласку при дворе. Разумеется, саму Мэри даже и не спрашивали, и, по-видимому, на этот раз Генрих решил поступить по всей строгости: по крайней мере при дворе открыто говорили, что теперь просьбы и ухищрения Мэри останутся безрезультатными, и это опасение начала разделять и она сама.

Принцессе была ненавистна даже одна мысль об этом браке, но она ни с кем, кроме Джейн, не делилась своими чувствами, приберегая силы к решительному моменту. В первый раз за всю свою жизнь Мэри была вырвана из обычной безоблачности и поставлена лицом к лицу с тяжелыми заботами. И самым невыносимым во всем этом была неизвестность!

В это время в Биллингсгейт-Уорде, самом мерзком квартале Лондона, поселился астролог и предсказатель Грауч, стяжавший широкую известность несколькими прорицаниями, чудесным образом буквально сбывающимися. Побывать у этого Грауча было уже давно заветной мечтой Мэри. Ее интерес к кудеснику был подогрет главным образом тем, что король Генрих VIII крайне сурово относился к посещениям аристократией Грауча, и, например, леди Честер菲尔д и леди Ормонт, представительницам весьма почтенных семей, был безжалостно закрыт доступ ко двору, как только стало известно, что они украдкой ходили пытать свою судьбу.

То, о чем мечтала прежде Мэри только из любопытства, стало теперь для нее важнейшим вопросом. Действительно, ей было крайне важно узнать, удастся ли ей отговорить своего брата короля от его брачных проектов и как ей взяться за это дело, чтобы склонить его отказаться от мысли видеть ее французской королевой. Но еще важнее было для нее, пожалуй, узнать истину о чувствах Брендона. Поэтому Мэри решила тайно навестить Граucha.

Я узнал это от Джейн, которая, встретившись со мной однажды утром, сказала с озабоченным видом, что они с Мэри отправляются в Лондон за покупками, останавливаются в Бридуэл-хаусе и вечером отправятся к Граучу в Биллингсгейт. Мэри вбила себе это в голову, и Джейн не могла отговорить ее.

Двор оставался в Гринвиче, в Бридуэле не было никого, и потому Мэри думала, что, переодевшись продавщицами фруктов, они легко смогут выполнить свое намерение. Между тем даже для мужчины было бы немалой смелостью отправиться после наступления темноты и без спутников по лучшим кварталам Лондона, не говоря уже о Биллингсгейте, этом гнезде мошенников и головорезов. Но Мэри не отдавала себе отчета в опасности и, как всегда, не желала слышать никаких возражений. Она пригрозила Джейн жестокой местью, если та выдаст ее секрет, и Джейн от страха была совсем несчастной. Но, несмотря на страх перед Мэри, она все же попросила меня тоже отправиться в Лондон и без ведома принцессы пойти на некотором расстоянии следом за ними во время их путешествия к Граучу. Однако мне было невозможно исполнить эту просьбу, так как я должен был в этот вечер присутствовать в своей должностной роли на балу в честь французского посольства, явившегося для переговоров по поводу брачного проекта. Мэри категорически отказалась присутствовать на этом балу, и ее своевольное упрямство очень раздосадовало короля.

Однако я предложил Джейн послать вместо себя Брендона, который больше подходил к роли защитника, а кроме того, предложил, чтобы Чарльз взял с собой еще кого-нибудь. Но Джейн из опасений гнева Мэри и слышать не захотела о последнем, так что мы уговорились, что Брендон отправится один.

Джейн успела перед отъездом сговориться с Брендоном, и было решено, что Чарльз притайтся у ворот, через которые девушки выйдут из Бридуэла. Мэри собиралась отправиться с наступлением сумерек и вернуться еще до ночи.

Так Брендон и сделал. С наступлением темноты он спрятался за группу вековых деревьев и стал ждать. Ввиду того, что лондонские горожане отнюдь не исполняли закона, предписывающего зажигать огни у домов, было темно, хоть глаза выколи. Вдруг Брендон различил в слабом свете угасавших сумерек герцога Бэкингемского, вышедшего из ворот вместе с одной из прислужниц принцессы.

— Да, ваша светлость, — сказала служанка, — вот через эти ворота они и собирались уйти. Если вы спрячетесь, то можете выследить их. Только я не знаю, куда они хотят идти; я лишь случайно услыхала, что с наступлением сумерек они тайком выйдут из дворца, — и, сказав это, девица шмыгнула обратно.

Вскоре показались девушки, одетые в короткие юбки и шапочки продавщиц апельсинов. Герцог Бэкингемский последовал за ними, а Брендон — за герцогом. Девушки вышли через маленькую дверцу в стене и быстро зашагали через Флит-дич, затем по Леджет-хилу, мимо собора Святого Павла; затем они повернули к реке, взяли направление на Беннет-хил, влево по Таймс-стрит, далее через мост, пока не пришли в Фиш-стрит-Хил, где они завернули в аллею, которая вела в Каст-чип, вплоть до дома Грауча.

Со стороны принцессы было просто геройством направиться этим путем, что доказывало, какой решимостью было полно ее сердце. Не говоря уже о действительной опасности, в этих местах могло повстречаться многое, что было способно отпугнуть женщину. Джейн непрерывно хныкала, но Мэри оставалась непоколебимой. На пути им встречались громадные кучи грязи, в которых можно было утонуть. Брендон зачастую сомневался, не потерял ли он следа девушек, так как по временам они совершенно исчезали из вида, а ему еще нужно было не спускать глаз с герцога Бэкингемского.

Так дошли они до дома Грауча. Узнав, куда именно шли девушки, герцог удалился, а Брендон стал ждать их.

Прошло немало времени, пока девушки вышли от прорицателя и направились обратно. На обратном пути Мэри очень скоро заметила, что кто-то следует за ними по пятам, и сильно испугалась. Теперь, когда цель ее рискованного путешествия была достигнута, уже не существовало острого побудительного мотива, пришпоривавшего прежде ее мужество.

– Джейн, кто-то преследует нас! – испуганно шепнула Мэри.

– Да, – ответила Джейн, с таким равнодушием, которое сильно удивило Мэри, знаявшую, что за трусиха ее подруга.

– О, если бы только я последовала твоему совету и никогда не ходила в это ужасное место, где я вдобавок еще наслушалась самых отвратительных вещей! – воскликнула она. – Удастся ли нам живыми добраться до дома!

Девушки ускорили шаги, но их преследователь не отставал от них.

Страх принцессы все возрастал, она судорожно ухватила Джейн за руку и прошептала:

– Вот когда мы погибли! Я отдала бы все, что имею, и все, что когда-нибудь будет моим, за... мастера Брендона!

В этот момент Брендон казался принцессе лучшим защитником на свете.

Это, разумеется, показалось Джейн самым благоприятным моментом, чтобы сказать: «Да это и есть мастер Брендон! Если мы подождем минутку, он нагонит нас!» – и она кликнула Брендона.

Это сообщение произвело на Мэри двоякое впечатление. Дело в том, что «прорицания» Грауча усилили ее подозрения относительно фальши Брендона, и теперь, вместе с чувством избавления от большой опасности, она почувствовала глубокий стыд, что Чарльз посвящен в ту самую тайну, которую она хотела скрыть именно от него. Поэтому, загоревшись злобой, она крикнула:

– Джейн Болингброк! За такое злоупотребление моим доверием ты уйдешь прочь от меня, как только мы вернемся в Гринвич!

Следя зову Джейн, Брендон поспешил к напуганным девушкам, будучи уверен в самом теплом приеме. Но слова, которыми его встретила принцесса, просто огорчили его:

– Мастер Брендон, ваша наглость будет дорого стоить вам! Мы не желаем вашего общества. Не путайтесь в наши дела; мы находим, что вам впору разобраться только в своих собственных!

И это пришлось услышать от девушки, которая неделю назад одарила его столь многим! Бедный Брендон!

Джейн горько заплакала.

– Простите меня, – сказала она, обращаясь к Чарльзу, – я не виновата! Только что она сама сказала, что...

Но в этот момент рука Мэри шлепнула Джейн по губам, и она, рыдая, умолкла.

Девушки направились к Каст-чипу и быстро зашагали далее в этом направлении. Несмотря на оскорбление, нанесенное ему, Брендон продолжал следовать за ними. Он как раз заворачивал за угол маленькой улички, тянувшейся между рыбными лавками, когда мимо Брендона проехали четыре всадника, очевидно, посланные герцогом Бэкингемским вдогонку.

Брендон услыхал возгласы ужаса и, завернув в свой черед за угол, увидел, что двое всадников спешились, чтобы задержать девушек. Страх выдал последних. Так как они были в коротких юбках, то могли свободно бежать, преследуемые двумя негодяями.

Брендон кинулся вдогонку. Те всадники, что оставались в седле, старались предостеречь своих товарищей, но уже в следующее мгновение один из преследователей рухнул на землю, пораженный мечом Брендона. Второй обернулся, но тоже упал сраженным, не успев вымолвить ни звука. Девушки остановились. Мэри поскользнулась и упала, но сейчас же вскочила на ноги, и обе они прислонились к стене, представляя собой картину воплощенного ужаса.

Брендон кинулся к девушкам, но оба всадника уже устремились к нему и напали на него, оставаясь в седлах. Брендону приходилось напрягать всю свою ловкость, чтобы оберегать девушек от копыт вздымавшихся на дыбы коней и не быть самому изрубленным в куски. Нечто вроде контрафорса в стене давало Чарльзу маленькое преимущество. Он толкнул девушек за этот выступ и прикрыл их своей спиной. Так он встретил превосходящего силой неприятеля с обнаженным мечом. К счастью, в этом месте сразу мог нападать только один всадник, и в темноте нападавший попал мечом по стене, так что брызнул сноп искр. Это была очень счастливая случайность, так как иначе, наверное, наша история здесь бы и закончилась. Но теперь Брендон ударил мечом в шею, так что конь откинулся назад, опрокинулся и похоронил под собой всадника. Крик боли упавшего заставил его спутника кинуться к нему, и Брендон воспользовался этим, чтобы скрыться с девушками. Между прочим ему удалось рассмотреть в упавшем всаднике герцога Бэкингемского, у которого с лица свалилась маска. Однако Чарльз рассказал об этом лишь много-много времени спустя, и его молчание чуть не погубило его. К каким роковым последствиям может привести не сказанное вовремя слово!

Девушки были полумертвы от страха, и, чтобы как-нибудь продвинуться вперед, Брендону пришлось нести принцессу, помогая в то же время и Джейн, пока они не оказались вне опасности. Джейн скоро оправилась, но Мэри даже и не думала переменить положение: она склонила голову на плечо Брендону с видом полного удовлетворения.

Через несколько минут Джейн сказала:

– Если вы можете идти теперь, миледи, то время не терпит! Мы скоро дойдем до Фишмонгерс-холла, где в это время, наверное, еще встречаются прохожие!

Мэри ничего не ответила, но в этот момент Брендон пошатнулся и чуть не упал, и она шепнула ему:

– Простите, о, простите! Я готова вынести любую епитимию, какую вы наложите на меня, и чувствуя себя недостойной выговорить ваше имя! Я обязана вам своей жизнью и еще больше... о, в тысячу раз больше!

С этими словами принцесса обвила рукою шею Чарльза и только тут заметила, что он ранен. Слезы брызнули у нее из глаз, когда она выскользнула из его объятий на землю. Она пошла вплотную рядом с ним, и вдруг, схватив его руку, поднесла к своим губам.

Через полчаса Брендон расстался с девушками у ворот Бридуэла, перешел через мост, взял на постоялом дворе оставленную им лошадь и поскакал обратно в Гринвич.

Так окончилась авантюра Мэри с хождением к прорицателю. Она проклинала себя на чем свет стоит за то, что вообще исполнила свою прихоть. Гадание прорицателя отнюдь не соответствовало желаниям и надеждам принцессы. Грауч сказал девушке, что у нее много поклонников, среди которых имеется один низкого происхождения, а чтобы сделать гадание поинтереснее, назвал последнего фальшивым. Затем, чтобы польстить ей, он прибавил, что она скоро выйдет замуж за богатого и знатного господина.

Всю ночь напролет Мэри плакала и стонала; посещение Грауча только усилило страдание ее сердца и сделало ее окончательно несчастной!

Глава IX. Не стоит слишком рассчитывать на принцесс

Казалось, что в этот вечер королевский бал никогда не кончится, – так восхищены были французы нашими стройными, белокурыми красавицами. Поэтому я должен был сдержать свое желание поскорее увидеть Брендона и узнать от него об исходе приключения.

Когда наконец под утро я поспешил в наши комнаты, то застал Брендона лежавшим на кровати. Он был так истощен кровотечением, что даже не в силах был раздеться. Я сейчас же послал за цирюльником, и тот снял с Чарльза кольчугу и перевязал раны. После этого Брендон впал в глубокий сон, а я сидел у его ложа весь день и всю следующую ночь. Очнувшись, Брендон рассказал мне все, за исключением участия герцога Бэкингемского в ночном деле. Кроме того, он просил меня никому не говорить о его ранении, чтобы возможно лучше скрыть причину последнего.

Я увидел принцессу в послеобеденное время и ждал, что она осведомится о здоровье своего защитника. Он, вступившийся за нее в минуту величайшей опасности и столько перенесший, заслуживал хоть некоторого участия и заботы. Но Мэри ничего не спросила о Брендоне и, как я заметил, тщательно избегала встречи со мной. На следующее утро она уехала с Джейн в Сконтленд-пэлас, ни звуком не обмолвясь о Брендоне.

Насколько я понял, Мэри проведала кое-какие новости относительно брачных переговоров и боялась, что брат, узнав о ее проделке и в особенности о злосчастном исходе таковой, во что бы то ни стало пошлет ее во Францию. Страшная участь висела над головой Мэри, и теперь, оглядываясь назад и принимая все это во внимание, я понимаю, что все прочее должно было отступить для нее на задний план.

В следующую ночь я проснулся от стука в мою дверь. Открыв, я увидел судейского в сопровождении четырех вооруженных стражников. Судейский осведомился, не проживает ли здесь некий Чарльз Брендон, и, когда я ответил утвердительно, потребовал его вызова. Я ответил, что Брендон по нездоровью прикован к кровати, но в ответ на это судейский потребовал, чтобы я провел его в комнату Брендона.

Так как всякое сопротивление было бы бесполезным, то я разбудил Чарльза и впустил судейского в комнату. Здесь судейский прочитал приказ об аресте Чарльза Брендона, обвиняемого в убийстве двух лондонских горожан. Около трупов нашли шляпу Брендона, и власти получили из высших сфер подтверждение, что виновным действительно является Брендон. Без сомнения этими «высшими сферами» был герцог Бэкингемский!

Хотя Брендон был так слаб, что почти не мог шевельнуть рукой, все-таки приходилось следовать приказу. Я предложил сейчас же отправиться к королю, так как знал, что тот простит этот проступок, если я расскажу ему все. Но Брендон попросил судейского оставить нас на минутку одних и сказал:

– Прошу тебя, оставь это, Кассоден! Если ты расскажешь все королю, то я отрекусь от всего! На всем свете существует только одна особа, которая смеет рассказать о событиях той ночи, и, если она не сделает этого, значит, надо молчать обо всем. Я знаю, что Мэри сейчас же приведет все в порядок, и мне не хотелось бы обидеть ее хотя бы минутным сомнением в этом. Ты ее не знаешь; порой она кажется эгоисткой, но на самом деле у нее очень доброе сердце. Я вверяю свою жизнь ее рукам, и если ты проронишь хоть слово, то натворишь больше бед, чем сможешь искупить всей жизнью. Поэтому настоятельно прошу тебя никому ничего не говорить. Если принцесса не захочет освободить меня... Но об этом нечего и думать. У нее золотое сердце!

Я не хотел, чтобы Брендон сомневался, а потому не сказал ему ни слова об отъезде девушки.

Привели конные носилки, и мы все вместе двинулись в путь. Брендона отправили в Ньюгейт, который был в то время самой ужасной тюрьмой Лондона и служил для заключения опаснейших преступников. Здесь Брендона кинули в подземную сырую камеру, сквозь старые стены которой непрерывно просачивалась вода. Окон не было, по стенам, сплошь заросшим плесенью, и полу ползали всевозможные насекомые; ни кровати, ни стула, ни охапки соломы, — можно ли было представить себе более ужасное место заключения?

При слабом свете фонаря тюремного сторожа я мог осмотреть камеру, пока туда втачивали Брендона, и подумал, что провести я хоть одну-единственную ночь в такой обстановке, то сошел бы с ума. Поэтому я принял просить сторожа сделать что-нибудь для Брендона, пытался подкупить его, но все было напрасно: сторожа были подкуплены уже раньше!

Хотя это ничем не могло помочь Брендону, но все-таки я счел долгом простоять всю ночь до утра под проливным дождем перед тюрьмой, где томился мой несчастный друг. Я должен был придумать что-либо для его спасения! Разве он не пострадал за Джейн так же, как и за Мэри? Было бы верхом неблагодарности с моей стороны, если бы я не был весь проникнут стремлением прийти к нему на помощь!

Как только на следующее утро распахнулись ворота тюрьмы, я снова осадил сторожа бурными просьбами перевести Брендона в лучшую камеру; но он ответил, что с некоторого времени преступления такого рода слишком участились в Лондоне, а потому виновные в них не могут рассчитывать на какое-либо снисхождение и заслуживают тягчайшего наказания. Напрасно пытался я втолковать ему, что истина будет разъяснена в тот же день и Брендона неминуемо освободят!

— Ладно, ладно! — невозмутимо ответил сторож. — Никто из тех, кто попадает к нам, никогда не бывает виноват, и каждый из них может доказать свою невиновность. Тем не менее почти всех их вешают или четвертуют!

Я прождал в Ньюгейте до девяти часов. Уходя оттуда, я столкнулся с герцогом Бэкингемским и Джонсоном, его стряпчим, как раз направлявшимся в тюрьму.

Тогда я поспешил в Гринвич, и, узнав, что девушки еще в Скотленд-пэласе, сейчас же поскакал туда.

Оставшись наедине с Мэри и Джейн, я рассказал им об аресте Брендона по обвинению в убийстве и о том, как он лежит в ужасной камере, изнуренный ранами и потерей крови. Девушки были очень взволнованы моим рассказом, но мне бросилось в глаза, что Мэри совершенно не была изумлена.

— Как вы думаете, он объяснит причину, заставившую его обнажить оружие? — спросила принцесса.

— Я знаю, что он не сделает этого, — ответил я, — но знаю также, что он уверен в вашей защите! — И говоря это, я твердо посмотрел ей в глаза.

— Ну, конечно, мы придем к нему на помощь, — сказала Джейн. — Мы сейчас отправимся к королю!

Мэри не присоединилась к уверениям Джейн, а продолжала сидеть с отрешенным видом. Ее взор, погруженный в мечты, сверкал слезами.

Когда мы настойчиво попросили Мэри высказаться относительно этого плана, она сказала:

— Мне кажется, так нужно, я не вижу другого выхода. Но, Матерь Божья, помоги мне!

Девушки поспешили собрались, и мы отправились обратно в Гринвич. По дороге я остановился у Ньюгейта, чтобы порадовать Брендона вестью о его близком освобождении, но, к величайшему моему разочарованию, мне не позволили повидаться с ним. Тем не менее, будучи убежден, что освобождение Брендона — дело лишь нескольких часов, я радостно поскакал дальше и вскоре нагнал девушек.

После того как я достаточно долго прождал, пока Мэри поговорит с королем, я снова отправился к ней, желая узнать о результатах ее ходатайства. Каково же было мое возмущение, когда я узнал, что принцесса даже не видела короля, так как должна была заняться своим туалетом и пообедать.

— Господи Боже, ваше высочество! Разве я не сказал вам, что человек, спасший вашу жизнь и честь, покрытый ранами, полученными в то время, как защищал вас, лежит в темной, грязной, мрачной тюрьме на таком полу, на который вы не ступите за все сокровища Лондона? Разве я не сказал вам, что вокруг него кишат насекомые и что он находится под тяжестью обвинения, грозящего смертной казнью? И вы находите время для туалета и еды? Да скажите же, ради всех святых, из какого материала создано ваше сердце, Мэри Тюдор? Если бы Брендон промешкал только одну-единственную секунду и не кинулся с единственным мечом против четырех противников, что было бы теперь с вами? Подумайте об этом, принцесса, подумайте!

Я сам испугался своей смелости, но Мэри отнеслась к моей речи очень спокойно и сказала грустно и медленно:

— Вы правы, я сейчас же пойду, я презираю сама себя за эту эгоистическую небрежность. Другого пути нет. Так должно быть, а чего мне это будет стоить — дело второстепенного значения!

— И я пойду с вами! — заявил я.

— Не могу поставить вам в вину, что вы сомневаетесь во мне, но только теперь вы увидите, что я сейчас же иду к королю!

— А я пойду с вами, леди Мэри! — упрямо повторил я.

Принцесса улыбнулась моему упорству, и взяв меня под руку, сказала:

— Пойдем!

Мы отправились к королю, и вот тут-то улыбка сбежала с лица Мэри, имевшей такой вид, будто ее ведут на казнь. Мэри просто посерела от страха перед объяснением!

Король как раз был занят энергичными переговорами с французским послом. Опасаясь какого-нибудь бурного взрыва со стороны сестры, он отказался принять ее, но, разумеется, противоречие только утвердило решение Мэри; она уселась в приемной и заявила, что не сдвигнется с места, пока не увидится с королем. Вскоре явился паж, искавший меня по всему дворцу, чтобы передать мне желание короля немедленно видеть меня. Я отправился в королевский кабинет, оставив Мэри одну в грусти и унынии.

При моем появлении король воскликнул:

— Где вы пропадаете, сэр Эдвин? Я чуть не до смерти загонял добрую дюжину пажей в погоне за вами! Вы должны сейчас же собраться в путь и отправиться в Париж с посольством к Его Величеству королю Людовику. Собирайтесь поскорее, потому что посольство отывает через час.

Мог ли служебный приказ явиться более не вовремя? Я пришел в полное замешательство и отправился в приемную, чтобы рассказать о случившемся принцессе. Но ее уже не было там. Я поспешил в ее апартаменты, но Мэри не было и там, как не было также и в покоях королевы. Я искалесил все старое здание дворца вдоль и поперек, не встретив ни принцессы, ни Джейн.

Король сообщил мне, что мое посольство должно оставаться в тайне и что я не смею никому, а менее всех — принцессе Мэри, рассказывать о своей командировке. Так как приказания короля нельзя было ослушаться, то я почувствовал даже некоторое облегчение при мысли, что мне не придется изворачиваться, объясняя Мэри или Джейн причины, в силу которых я должен буду исчезнуть на некоторое время из поля их зрения.

Итак, надо было скорее укладываться и ехать в Лондон. Я пытался успокоить себя уверенностью, что Мэри во что бы то ни стало объяснится с королем и избавит Брендана еще до ночи от страшного заключения, но какое-то тайное предчувствие твердило мне, что дело не обойдется так просто.

Перед отъездом я успел написать Мэри и Джейн по письму, в которых кратко извещал обеих девушек, что по непредвиденным обстоятельствам должен временно покинуть Лондон. В письме к принцессе я сделал следующую приписку:

«Я отдаю в Ваши руки судьбу человека, которому мы все так обязаны, и твердо рассчитываю, что Вы исполните свой долг по отношению к нему».

* * *

Я пробыл в отсутствии около месяца, и так как даже Джейн не знала, где я, то я не получил, да и не ждал писем. Король приказал мне молчать, и если я смею хвалиться хоть единой добродетелью, то это – верностью данному обещанию!

Все это время я не мог отделаться от боязни, что Мэри недостаточно настойчиво вступится за Брендона. Я был твердо убежден, что слухи о брачных намерениях французского короля значительно парализуют ее твердость, но утешал себя сознанием, что там была Джейн, чудная, самоотверженная Джейн; и в тех случаях, когда принцесса начнет колебаться, Джейн не оставит ее в покое.

Однако, вернувшись в Лондон, я застал Брендона все в том же ужасном положении. Во время моего отсутствия суд над Брендоном уже состоялся, и Чарльз был присужден к казни через повешение, утопление и четвертование, которая должна была состояться в самом непроложительном времени.

Я узнал следующее. Утром после рокового события в Биллингстоне цирюльник, перевязавший раны Брендону, был вызван, чтобы перевязать поврежденное колено его светлости герцога Бэкингемского. Во время этого занятия цирюльник рассказывал герцогу разные новости и между прочим сообщил, что прошлой ночью ему пришлось перевязывать девять больших и малых ран мастеру Брендону, другу короля. Это дало возможность установить личность спасителя девушек, до того лишь подозреваемого герцогом. Только много позже узнал я, как использовал благородный лорд возможность отплатить за посрамление на балу у леди Мэри.

Сначала он отправился в Ньюгейт, и его указаниям был обязан Брендон тем, что его бросили в самую ужасную из лондонских тюрем. Затем он отправился в Гринвич, зная, что король, узнав об аресте Брендона, сейчас же предпримет шаги для освобождения друга. Когда герцог переступил порог королевской комнаты, Генрих крикнул ему:

– Милорд, вы пришли удивительно кстати! Такой испытанный друг народа, как вы, может быть чрезвычайно полезен нам в это утро. Наш друг Брендон арестован за то, что убил прошлой ночью в Биллингстоне двух мужчин. Наверное, здесь допущена какая-нибудь ошибка, и добрейший шериф захватил не того, кого следует. Но, ошибся ли шериф или нет, мы желаем выручить Брендона из тюрьмы и полагаемся на вашу добрую помощь в этом случае.

Герцог Бэкингемский заявил, что бесконечно счастлив служить своему королю, и сейчас же отправился в Лондон к лорду-мэру. После обеда он вернулся и получил частную аудиенцию у короля.

– Во исполнение желания Вашего Величества я хотел сейчас же распорядиться об освобождении Брендона, но, ознакомившись с положением вещей, счел необходимым первонациально еще раз выслушать мнение Вашего Величества, – сказал герцог. – Боюсь, что не может быть сомнения в виновности Брендона. Он шел с двумя девушками, из-за которых поссорился с прохожими, и в результате этой ссоры им были убиты двое. Этот крайне неприятный случай привел горожан в сильное возмущение, так как убийства мирных граждан все учащаются в последнее время. При таких обстоятельствах я подумал, не будет ли разумнее не идти напрекор горожанам и оставить мастера Брендона под арестом, особенно принимая во внимание тот факт, что Вашему Величеству придется вскоре обратиться к городу с предложением назначить

приданое леди Мэри. Когда это приданое будет выдано городом, мы можем спокойно сыграть с горожанами партию.

— Мы уже теперь сыграем партию с благородными горожанами Лондона и заставим их раскошелиться на приданое, — ответил король. — Я желаю, чтобы Брендон был немедленно освобожден, и ожидаю от вас сообщения об исполнении моего желания, милорд!

Герцог почувствовал, что на этот раз возможность мести врагу готова ускользнуть от него, но он был очень упорен в злобе и не хотел складывать оружие. Уходя от короля, он увидел леди Мэри в приемной и подошел к ней. Сначала принцесса рассердилась при виде человека, которого так ненавидела, но тут же ей пришло в голову, что она могла бы использовать влияние герцога на граждан и власти Лондона, а так как она была уверена во всемогуществе своей улыбки, то и решила спасти Брендона, не выдавая своей тайны.

К величайшему изумлению герцога, Мэри приветливо улыбнулась ему, выразила удовольствие видеть его и сказала:

— Милорд, в последнее время вы совсем забыли нас и почти не показывались! Что нового?

— Я, право, не знаю ничего такого, что было бы интересно узнать вашему высочеству. Благоволите принять по крайней мере за новость, что я изучил у Каскодена новый французский танец и надеюсь танцевать его на следующем балу с прекраснейшей женщиной мира!

— С удовольствием, милорд, — приветливо ответила Мэри, но не будь герцог тщеславным фатишкой, это неожиданное благоволение показалось бы ему подозрительным.

Однако он не заподозрил никакой хитрости и даже успокоился, увидев, что Мэри, очевидно, не знает, кто напал на нее в Биллингсгейте. Он расплылся в улыбках, восхищенный любезностью принцессы, и они, посмеиваясь, разошлись по комнатам.

Между тем Мэри только и ждала удобного случая, чтобы, не возбуждая подозрения герцога, заговорить об интересующем ее деле. Случай представился принцессе тогда, когда герцог высказал удивление, что застал Мэри в приемной короля.

— Я жду Его Величество, — ответила принцесса. — Брендон, друг нашего Каскодена, арестован в Лондоне из-за какой-то уличной ссоры, и сэр Эдвин, и леди Джейн осадили меня просьбами добиться его освобождения. Но, быть может, я смею просить об этом вместо короля вашу светлость, так как вы пользуетесь в Лондоне властью и влиянием не менее Его Величества, и я просила бы вас немедленно принять меры к освобождению Брендона.

Герцог Бэкингемский немедленно изъявил свое согласие, заметив, однако, что только воля ее высочества может принудить его заступиться за такую неприятную личность, как Брендон.

— Боюсь, — прибавил он, — что освобождение Брендона должно совершиться в полной тайне. Лондонцы требуют на этот раз строжайшей справедливости, так как уже немало виновных избежало наказания благодаря защите двора. Лучше всего дать Брендону возможность совершить побег. Он может пожить некоторое время где-нибудь в провинции и обождать, пока все забудется, и королевское помилование окончательно избавит его от суда.

— Помилование? Да что вы только говорите, милорд? Ведь Брендон не сделал ничего такого, что вызывало бы необходимость в помиловании. Его следовало бы скорее наградить! — воскликнула принцесса, но тотчас же спохватилась и поспешила добавить: — Конечно, если я правильно осведомлена. Как я слышала, Брендон выступил на защиту двух женщин.

— Кто сказал вам об этом? — спросил герцог.

Мэри после некоторого замешательства ответила:

— Сэр Эдвин Каскоден. Ему сообщил об этом сам Брендон.

Герцог обещал сейчас же отправиться в Лондон, чтобы подготовить все для бегства Брендона, за что и был награжден очаровательной улыбкой.

Мэри облегченно перевела дух. Ей не пришло в голову, что она вручила судьбу Брендона его злейшему врагу, и, как это часто бывает, совершив самый неразумный шаг, она была уверена, что поступила умнее всего.

Затем, раздумывая о дальнейшей судьбе Брендона, Мэри пришла к убеждению, что Чарльзу лучше всего будет спрятаться после бегства где-нибудь поблизости от Виндзора. Тогда они смогут ежедневно видеться. И вот Мэри написала Брендону письмо, после чего они с Джейн отправились в Виндзор.

Повинуясь приказанию короля, желая заслужить благоволение обожаемой Мэри и намереваясь в то же время удалить от двора своего личного врага и соперника, герцог собирался действительно инсценировать бегство Брендона из тюрьмы. Однако, прибыв в Ньюгейт, он сейчас же изменил свой план действий. Письмо принцессы Мэри было передано ее пажем стражнику, а тот вручил его непосредственно герцогу. И вот, приказав стражнику отправить это письмо прямо к королю, герцог помчался в Гринвич. Здесь он разыграл сцену гнева и досады на городских властей, препятствующих освобождению Брендона и требующих королевского приказа, снабженного печатью и подписью. В то время как король, тоже возмущенный и разгневанный, собирался дать такой приказ, явился посланный из Ньюгейта, представивший королю письмо принцессы Мэри. Генрих вслух прочел следующее:

«Мастеру Чарльзу Брендону.

Мой привет прежде всего! Вскоре Вы будете освобождены, быть может, даже раньше, чем это послание попадет в Ваши руки. Во всяком случае, я не оставлю Вас надолго в тюрьме. Я сейчас же еду в Виндзор, где надеюсь свидеться с вами.

Мэри».

— Что это значит? — с изумлением воскликнул король. — Моя сестра пишет мастеру Брендону? Милорд Бэкингем, подозрение,вшенное вами мне, оказывается вовсе не обоснованным. Мы оставим этого человека в Ньюгейте, предоставив лондонцам расправиться с ним по-свойски!

На следующий день герцог Бэкингемский отправился в Виндзор и сообщил Мэри, что, как он слышал, Брендон удачно бежал и отправился в Новую Испанию.

Мэри поблагодарила герцога, но с тех пор у нее уже ни для кого не было улыбки. Она осталась в Виндзоре, всецело отдаваясь своему горю. По временам ею овладевала сильная злоба на Брендона, который не повидался с ней перед отъездом, но тут же слезы смягчали ее досаду, и Мэри испытывала даже некоторую радость от сознания, что Брендон потому и скрылся, что слишком любит ее.

После того как Брендон так геройски вел себя в Биллингсгейте, вся эта история предстала перед нею в ином свете. Она по-прежнему отдавала себе отчет в громадной пропасти, разделявшей их, но только с тем различием, что теперь уже она смотрела на него снизу вверх. Прежде он был самым простым Чарльзом Брендоном, а она — принцессой Мэри; теперь она все еще была принцессой, но он стал каким-то полубогом. Обыкновенный смертный не мог быть так умен, благороден и храбр. Порой Мэри ночи напролет лежала в объятиях Джейн и, подавляя рыдания, шептала ей о возлюбленном своего сердца, о его мужественной красоте и совершенстве. Она утверждала, что теперь ей уже нечего более ждать от жизни, что путь к счастью навсегда закрылся для нее и что годы, еще оставшиеся для нее в этой жизни, будут полны лишь ожиданием конца, но потом вдруг она прониклась радостной уверенностью, что все еще обойдется. Ведь говорил же Брендон, что в Новой Испании бесстрашному человеку открыты широкие пути и возможности, и, конечно, он, лучший и храбрейший из людей, быстро добьется известности и богатства, чтобы вернуться в Англию и откупить любимую девушку у короля за миллионы фунтов стерлингов! О, Мэри готова была ждать его, ждать!

Так и текла жизнь Мэри в Виндзоре среди отчаяния и розовых мечтаний. А тем временем Брендана судили и приговорили к смертной казни за то, что он спас сестре короля больше чем жизнь!

Глава X. «Справедливости, о король!»

Так обстояли дела по моему возвращению. Какими горькими упреками осыпал я сам себя за то, что уехал, не освободив Брендона из его ужасного положения! Я сам не мог понять, как это мог положиться в таком важном деле на двух девчонок, из которых одна была изменчива, словно ветер, а другая – совершенно бессильна!

Да, Брендон поступил бы совершенно иначе, если бы я оказался на его месте; он освободил бы меня или взял бы приступом лондонские укрепления.

Теперь я уже не стал мешкать и не подумал полагаться на какую-нибудь леди Джейн или принцессу Мэри, а решил немедленно отправиться к королю и сказать ему все, пусть даже обеим им, Мэри и Джейн, придется из-за этого выйти замуж за французского короля или же за самого черта! Я хотел как можно скорее исправить свою ошибку, спасти Брендона, а потом высказать в лицо этим девчонкам, что я о них думаю!

Я застал короля за обедом, и, разумеется, не был допущен к нему. Так как я был не в таком настроении, чтобы позволить чему бы то ни было встать мне поперек пути, то, к всеобщему ужасу, оттолкнул часовых и, ворвавшись к королю, бросился перед ним на колени.

– Справедливости, о король! – воскликнул я так, что мой возглас услыхали все придворные. – Справедливости для самого обоженного и наиблагороднейшего человека на свете! Чарльз Брендон, бывший друг Вашего Величества, брошен в самую страшную, мрачную тюрьму и приговорен к смертной казни за то, что якобы убил двух людей в Биллингсгейте. Но… – Тут слезы брызнули из моих глаз, однако я заставил себя рассказать королю все, что уже известно читателю, касавшееся посещения принцессой Мэри опасного квартала. – И вот этот-то человек, – воскликнул я затем, – присужден к смертной казни! Но я слишком хорошо знаю сердце Вашего Величества, чтобы не быть уверенным в немедленном освобождении Брендона. Подумайте, король, он спас царственную честь вашей сестры, которую вы так любите, и так ужасно пострадал за свою храбрость и благородство. В день, когда я должен был поспешно выехать во Францию, леди Мэри обещала мне все сказать вам и освободить от наказания человека, оказавшего ей такую услугу. Но она – женщина и, следовательно, рождена для измены!

Король улыбнулся моей горячности и произнес:

– Да что вы говорите только, сэр Эдвин? Мне известно о том, что Брендон приговорен к смертной казни, но если дело обстоит так, как доказано на суде, если он действительно убил двоих граждан, то я не могу вмешиваться в правосудие, которого вправе требовать мой добрый народ. Вместе с тем все то, что вы рассказываете про мою сестру – сущая нелепость. Наверное, вы придумали все это из любви к своему другу, чтобы спасти его. Остерегитесь, друг мой, произносить такие речи в следующий раз! Если бы дело обстояло так, как вы говорите, то сам Брендон сослался бы на это во время следствия!

– Клянусь, Ваше Величество, что все, сказанное мной, – сама истина, и что леди Мэри и леди Джейн подтверждают каждое мое слово! Брендон не хотел объяснения, чтобы не подвергать риску доброе имя спасенной принцессы: Вашему Величеству известно, что к прорицателю Граучу ходят не только для гаданий. Брендон предпочел лучше умереть, чем подвергнуть нареканиям имя столь любимой вами особы. Но похоже на то, что эти дамы, так обязанные Брендону, готовы лучше дать ему умереть, чем понести последствия собственной глупости. Умоляю Ваше Величество поспешить… нельзя более терять времени! Не вкушайте ни куска более, пока этот человек, который так честно послужил вам, не выйдет оправданным из тюрьмы. Пойдемте, Ваше Величество, пойдемте сейчас же, и пусть все, что я имею, мое богатство, моя жизнь, моя честь – все принадлежит Вашему Величеству!

На минуту король задумался, не выпуская ножа из рук, а затем произнес:

— Каскоден, сколько я вас знаю, я никогда еще не уличал вас во лжи. Вы невелики ростом, но чувством чести не уступите и Голиафу. Мне кажется, что вы говорите правду, а потому я сейчас же отправляюсь и освобожу Чарльза Брендона. А моя сестрица пусть отныне наслаждается жизнью во Франции под эгидой своего престарелого обожателя, короля Людовика. Я не могу лучше наказать ее! Эта история только укрепляет мое решение, и теперь меня не проймешь лестью! Сэр Томас Брендон, приготовьте моих лошадей, я отправляюсь к лорду-мэру, затем к милорду архиепископу Линкольнскому, чтобы договор с французами был немедленно подписан. Объявите во всеуслышание, что принцесса Мэри через месяц станет королевой Франции!

Последние слова короля были обращены к придворным, и еще до вечера новость облетела весь Лондон.

Не дожидаясь приглашения, я последовал за королем, твердо решив не полагаться ни на кого, пока Брендон не будет освобожден. После того как мы переехали через Лондонский мост и завернули по Лоуэр-Темз-стрит, король от Фиш-стрит-Хила направился по Грейс-Черч-стриту к Бишопгейту. Он заявил, что остановится у герцогини Корнуэльской поесть там пудинга и затем направится к канцлеру Уолси.

Я отлично знал, что стоит королю попасть к Уолси, как там начнутся пьянство и картиж, прерываемые страшными политическими спорами. Тогда Генрих пробудет у канцлера всю ночь, а Брендон по-прежнему будет томиться в своей темнице. Я готов был перевернуть небо и землю, чтобы не допустить этого, и, смело подъехав к королю, обратился к нему, обнажив голову:

— Ваше Величество дали мне свое королевское слово прежде всего отправиться к лорду-мэру. За все те годы, которые я имею честь чтить вас, как великодушного государя и могущественного короля, это первая просьба, с которой я решился обратиться к вам, и теперь я заклинаю вас вашей собственной честью исполнить свою обязанность дворянина и короля!

Это была смелая речь, но в данный момент мне было совершенно безразлично, приятны ли были мои слова или нет.

Король вытаращил на меня глаза и сказал:

— Каскоден, вы привязались ко мне, словно репейник, но вы правы, я забыл свое обещание. Вы помешали мне обедать, и мой желудок громко взывал к одному из лакомых пудингов герцогини Корнуэльской. Однако в горе вы прекрасный друг! Я хотел бы тоже иметь такого!

— У Вашего Величества имеются два друга, которых я знаю: один — смиренно скачет рядом с вами, а другой — томится в худшей на всем свете темнице!

Король поскакал в Гилд-холл, чтобы без дальнейшего промедления навестить лорда-мэра. Когда я по приказанию короля рассказал историю защиты Брендоном принцессы, лорд-мэр высказал необыкновенную готовность освободить моего друга и только усомнился в правдоподобности моего сообщения. Тогда я предложил посадить меня самого в тюрьму и высказал готовность поплатиться жизнью, если мое показание даст возможность виновному скрыться от суда, а принцесса и ее фрейлина не подтвердят достоверность моего рассказа. Однако лорд-мэр не принял моего поручительства и попросил короля немедленно написать приказ об освобождении Брендона. Заполучив этот приказ и захватив с собой судейского чиновника, я понесся в Ньюгейт, тогда как Генрих отправился к Уолси, чтобы там окончательно определить судьбу Мэри.

Брендона вывели из темницы в цепях и кандалах. Войдя в комнату и увидев меня, он воскликнул:

— Каскоден, это ты? Я думал, что меня ведут на казнь, и радовался окончанию своих мук. Но мне кажется, что ты не станешь помогать палачам, хотя и дал мне здесь почти сгинуть!

При виде Брендона я не смог сдержать слезы.

— Твои упреки справедливы, — воскликнул я, — но я не так виноват, как ты думаешь. В день твоего ареста король отправил меня во Францию, и я должен был немедленно уехать. Ах, почему я уехал, не сделав всего для твоего освобождения! Но ты сам приказал мне молчать, да и я положился на... обещание других!

— Так я и думал. Ты не виноват ни в чем, прошу тебя, только никогда не говори об этом!

Брендона было почти невозможно узнать — так он был грязен, худ и бледен. Я поспешил отмыть и переодеть его, насколько это было возможно в Ньюгейте, и затем отвез его в носилках в Гринвич, где при помощи своего слуги уложил в кровать.

— О, эта кровать — предвкушение рая, — сказал Брендон, вытягиваясь на своем ложе.

Это была такая жалостная картина, что я едва был в силах подавить рыдания.

Но я вскоре овладел собой и поспешил послать за неким арапом, торговавшим оружием и отличавшимся большой ученостью. К нему относились враждебно, как к чужестранцу, но мы с Брендоном уважали его за доброту и жизненный опыт. Арап был очень сведущ во врачевании восточными средствами и сейчас же приготовил Брендону успокоительное питье, погрузившее несчастного в сладкий сон. Затем арап натер Брендона укрепляющими мазями, пошептал над ним таинственные слова и совершил какие-то магические пассы. Благодаря лекарствам и заклинаниям Брендон чувствовал себя на следующее утро гораздо лучше, хотя ему было еще далеко до настоящего выздоровления.

Глава XI. Сватовство

Только через неделю мог я отправиться в Виндзор, чтобы высказать девицам свое возмущение. Теперь в Виндзоре был также сам король с Уолси и Лонгвилем, чтобы предложить принцессе по всей форме счастье стать королевой Франции.

Обстоятельства складывались так, что брак Мэри должен был стать настоящей жертвой с ее стороны. Людовик XII был стариком, да еще французом с французскими воззрениями на мораль; а кроме того, тут были еще обстоятельства, о которых я не стану упоминать. Скажу только, что Мэри с равным успехом могла выйти замуж за прокаженного. Чему же было удивляться, если Мэри, которая была посвящена в тайну, с отчаянием и страстью противилась этим брачным планам?

Виндзор расположен в восьми милях от Лондона и был в те времена населен очень мало. Новости проникали туда очень медленно, а вследствие этого случилось так, что Мэри узнала о подписании брачного договора лишь незадолго перед тем, как ей доложили о прибытии короля и французского посланника, собиравшихся формально просить ее руки для короля Людовика XII.

Король со своей свитой, к которой примкнул и я, намеревался известить принцессу Мэри о высокой чести, оказанной ей престарелым Людовиком XII. Однако это было нелегко сделать, так как Мэри забаррикадировалась в своей спальне и отказывалась принять посольство. Король нагнулся к замочной скважине, чтобы заставить юную строптивицу выйти из своего убежища; мы ясно слышали, что он снижал даже до умильных просьб, и это немало распотешило нас. Затем Его Величество пришел в ярость и пригрозил взломать дверь, но прекрасная осажденная упорно пребывала в глубоком молчании, давая королю таким образом полное основание привести свою угрозу в исполнение. Он был взбешен до последней степени и призывал всех нас в свидетели того, как он принудит эту «упрямую ведьму» к повиновению. Увы! Он, очевидно, не сознавал в полной мере сложности этой задачи.

Дверь вскоре взломали, и король первый вошел в комнату, а за ним – Лонгвиль, Уолси и все мы, остальные. Но мы шествовали навстречу позорнейшему поражению, которое когда-либо постигало осаждающее войско, потому что наш враг, как ни мал был он, отличался хитростью и находчивостью.

Мы застали Джейн сидящей в углу, напуганной до полусмерти всем этим шумом и скандалом, ее же повелительница лежала в кровати, повернувшись лицом к стене, причем ее платье беспорядочно валялось посередине комнаты.

Не поворачивая головы, Мэри крикнула:

– Иди, иди, братец Генрих, милости просим! Пусть войдут и твои друзья также, я готова принять их, хотя и не в полном параде, как видишь! – с этими словами она взмахнула голой рукой, и герцог Лонгвиль испуганно отступил назад. Затем, по-прежнему не отворачиваясь от стены, Мэри продолжала: – Вот я сейчас встану и приму вас без всяких церемоний.

Одеяло пришло в неистовое волнение, и это вывело Генриха из себя. Не зная, что делать, он испуганно завопил:

– Лежи на месте, ведьма!

– Не будь так нетерпелив, братец, – последовал ответ, – я сию минуточку вскочу с кровати!

Крик Джейн всполошил всех. Она кинулась к королю со словами:

– Умоляю Ваше Величество удалиться, потому что принцесса способна сделать то, что говорит, и выскочит голой перед всеми! Она вне себя! Умоляю, уйдите, я попытаюсь успокоить ее как-нибудь и привести вниз в зал!

— О нет, Джейн Болингброк, — послышалось с кровати, — я сейчас приму здесь своих гостей, которые так любезно вломились в мое помещение!

Не знаю, исполнила ли бы Мэри свою угрозу, но она сделала порывистое движение, и Генрих, достаточно хорошо знавший свою сестрицу, выгнал нас всех из комнаты и повел затем свой разбитый в пух и прах отряд вниз по лестнице. Онсыпал проклятиями и клялся всеми святыми, что Мэри станет женой Людовика или умрет.

Хитрый Уолси отвел его в сторону, и могущественный король вместе с великим государственным человеком принялись придумывать, как бы им перехитрить несчастную девушку. Затем Генрих грубо рассмеялся и приказал нам ехать с ним вместе в Лондон.

Мы сели на лошадей и поехали, но, как только замок скрылся из вида, король окликнул меня; мы с ним, Лонгвиллем и Уолси отправились другой дорогой обратно в Виндзор и въехали боковыми воротами во двор замка, оставаясь незамеченными. Через час принцесса, предполагая, что все уехали, спустилась вниз и вошла в комнату, где были все мы.

Это была недостойная проделка, и я презираю тех, кто придумал ее. Первой мыслью Мэри было кинуться назад, но по всему своему существу она была очень мало приспособлена к отступлению. Ах, что за мужчина вышел бы из нее! И как прекрасна была она! После первого момента замешательства она гордо вскинула голову и медленно направилась в противоположный конец комнаты, напевая какую-то песенку.

Король полугорделиво, полуушутливо улыбнулся, а французский посол явно обомлел от красоты принцессы. Генрих и Лонгвиль шепотом обменялись парой слов, затем последний достал из бокового кармана большой футляр и пошел наперерез Мэри.

Принцесса взяла со стола книгу, уселась на стул и застыла на месте, словно статуя. Взяв в руки футляр, Лонгвиль подошел к Мэри, склонился в низком реверансе и сказал на ломаном английском языке:

— Разрешите, всемилостивейшая принцесса, поднести вам от имени моего повелителя это маленькое доказательство его восхищения и любви.

Сказав это, он еще раз поклонился и протянул Мэри открытый футляр, очевидно, желая прельстить ее видом чудно сверкавшего бриллиантового ожерелья.

Принцесса кинула на ожерелье презрительный взгляд из-под полуопущенных ресниц, спокойно взяла его и, швырнув его бедному Лонгвилью в лицо, воскликнула:

— Вот мой ответ! Ступайте домой и скажите своему старому идиоту, что я отвергаю его домогательства и ненавижу его, ненавижу, ненавижу! — Тут слезы бурным потоком хлынули из ее глаз, и Мэри обратилась к канцлеру: — Уолси, ты — подлая собака! Эта проделка — твое дело; у других не хватило бы ума придумать ее! Как все вы должны гордиться тем, что сумели перехитрить бедную девушку с разбитым сердцем! Но берегись, Уолси, мы еще посчитаемся с тобой, или я не буду сама собой!

Даже для самых крепких женских нервов существует известная граница, за которой помочь могут только слезы. До этой границы и дошло состояние Мэри. Выпустив в Уолси свою стрелу, она быстро выбежала из комнаты.

Король просто неистовствовал от бешенства.

— Клянусь Всемогущим Богом, — кричал он, — эта девчонка выйдет замуж за Людовика Французского или я запорю ее до смерти!

Вслед за этим король, Лонгвиль и Уолси вернулись в Лондон. Я же остался в надежде, что мне все-таки удастся повидаться с девушками. И действительно вскоре пришел паж, который провел меня в комнату принцессы.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочтите эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.